

ЛЮЛЯ

ТРЕТЬЯНКО

ЛЮЛЯ

ТРЕТЬЯНКО

Избранное

1992

Лицестам

Мальчишки лихой, непокорной породы-
 Смешливы и дерзки!
 Из тех, что прекрасное звали прекрасным,
 А мерзкое – мерзким!
 Из тех, что шагали с душою босою
 По лезвию наста,
 Из тех, что держали сердца нараспашку
 В любое ненастье.
 Ах, как ясноглазо, ах как легкокрыло,
 Ах, как прямодушно
 На мир черно-белый цвета звонких песен
 Победно обрушив,
 Вы гнезда покинули, в небо рванулись,
 Запреты нарушив,
 О Боже, храни их, не дай им разбиться-
 Их судьбам и душам!
 Хохочут беспечно, но утро Сенатской -
 В глазах вечным светом...
 России удел – на свет божий рождать палачей и поэтов!
 Коллючий веночек тернового нимба
 Она вам готовит...
 Искупится синее небо России дворянской кровью,
 Умоется синее небо России дворянской кровью.

1993

Солнце- апельсиновое «до»,
 «ре» - резное зеркальце в оправе!
 «Ми» - размытых сумерек оправе-
 Черный стриж в проеме золотом.
 «Фа»- на мягкой бархотке звезда,
 «Соль» - цикад ночных немолчных соло.
 «Ля»- дорога, ветер, поезда,
 Мука высочайшего помола.
 «Си» - его сиятельство сверчок,
 Свиты октября придворный франтик.
 «До» - кленовый листик, шустрик, фантик,

мордочкой уткнувшийся в плечо.

1995

Золушка

Растолкала локтями ледышки, неласкова прорубь!
 И в душе, как в природе, порой происходит зима.
 А в окно мое плюхнулся важно немыслимый голубь:
 «Что с тобою, голубушка, снова одна?
 То ли сказка твоя обернулась насмешкой недоброй?
 Бродит принц в кабаках да из туфельки хлещет вино.
 Лишь луна своей круглой небритою жалкою мордой
 Неотступно глядится в ночное слепое окно,
 будто глаз занемогшего серого злого совенка...
 Пожалеть бы луну, чтобы в ночь не скулила с холма.
 Вот дерутся девицы за туфельку, стану в сторонку.
 Я ему не родня, я ему не сестра, не жена.
 Где чумазое счастье мое? Навсегда позабыто...
 Изорвут кружева и чепцы сестры в битве своей.
 Принц не нужен такой... И склонюсь над разбитым корытом.
 Все ты ,сказочник, выдумал. Старый смешной дуралей!

Глаза все впитывают млечно-медоносный
 Свет первой теплой трети октября.
 Лениво пес несет в зубах поноску.
 И почерк осени младенчески коряв...
 И заморозки светятся багряно,
 К провинциальным шпилям прислонясь.
 Сквозь муравьиный быт, жужжащий рьяно,
 Слезой небесной осень пролилась.

Прислушайся: мы временем сочимся!
 Мы истекаем вверх, в лазурь - душой!
 Ну надо ж было счастью случиться?!
 Я поняла с поправкой небольшой:
 Жить- знать. Но сметь дарить уступки,
 Не возвращать обидчикам грехи,
 Любить за нелогичные поступки,

Прощать за нерожденные стихи!

За странный быт, что так по-птичьи зыбок,
 За милые чудачества ума,
 За жизнь...как криво скроена да сшита!
 За многолюдье, где всегда сама-
 Прощать. Дразнить не вечность редкой строчкой,
 Любимым именем и жалостью к врагам,
 Всей кожей чувствовать бездонность многоточья,
 Дыша сродни свирелям и ветрам...

Любить. Так просто. Жить вином и хлебом.
 Под кожей осени услышать кровоток.
 В медовой благости октябрьское небо.
 В чаинках стай спит солнечный зрачок.

1995г.

Как платье меняют- я тело сменю на другое.
 И буду опять обреченно глазеть из окна.
 Вновь тает декабрь, пусть младенчески светлой, нагою
 И несвоевременной в город ворвется весна.
 Опять будет мучить занозою черною выбор:
 Щеку подставлять или молча самой целовать?
 Ты- словно близнец, половинка моя, ты не выбран:
 Мы схожи, как брат и сестра. Что ж сестер выбирать?
 Я стану другой, буду бегло болтать по-французски,
 кутить и кокетничать! Ветренностью изумлять.
 Приснится: квартирка, стихи, почему-то на русском,
 Две чьих-то гитары. Прокрустово ложе-кровать.
 Вино, дай – ка вспомнить, из Богом забытого Крыма.
 Нестройны застолья нетрезвых веселых друзей.
 И ты. То ли брат, то ли муж, то ли друг.
 Тело родственно гриму. Не вспомнить лица.
 Голос, темные крылья бровей.
 И странный сквозняк в приоткрытые старые двери.
 И дикое чувство- за дверью беснуется хаос.
 И лампочки круг. Ангел теплой ладошкой отмерил
 По вере, мой славный, бессмертия горстку-немало.
 Мы зонтик расправим, мы с миром беззлобием квиты.
 А смерть, как и жизнь, слава богу, столь не бесконечна.
 Но в зонтик, дымясь, дробной россыпью-метеориты...
 Но там, за порогом, не гулкая лестница – вечность.

Меня, как уравнение, Пространство
 решило. Суть – поэт. Все ипостаси –
 Любимая, жена, мать, дочь – вторичны,
 А значит несущественны. Как видно
 Оно же с той ночи лениво встало.
 Был август. Третье. Что ж, пришлось родиться.
 Теперь стихи мне шепчет, и под ними –
 Лилейный герб французских королей –
 Я ставлю свое имя. Но в сомненьях,
 Что строчек этих ворох – от меня.
 Хотя заявишь: «Мы на пару с миром
 недавно тут поэмку накатали»,
 Пожалуй, обвинят в шизофрении.
 P.S. события здесь не изменены. Они
 служили пунктом отправления из
 некогда меня в меня сегодня.
 А вот Пространство склонно к обобщениям.
 Бог с ним. И в нем. Оно же бесконечно.

Женская страдательная

У меня радикулит.
 У меня душа болит.
 Два привета в двух висках.
 два мозоля в двух носках.
 В сердце гвоздь, в ушах бананы,
 папирочка во рту...
 Я наверно сдохну рано
 через эту красоту.
 Елена Казанцева, бард, автор "Песни о варениках".

Раскормили голубей – квохчуть курами!
 Как чужих мужей, звезд понатыкано!
 А таких, как я, ворон, кличуть дурами.
 Ты ж меня назвал кукушкой оципанной!

Из ушей бананы, гордая, выброшу,
 Нецелованною пяткой притопну я.
 Сколько мне ещё терпеть твои выбрыки,
 Запивать обиды горькими стопками!?

Заедать блинами синими горести,
Шоколад твой из зубов выковыривать?
Ах, кукуй мой ненаглядный, не совесно
Из души меня, такую, вышвыривать?

Что казиться зря? Ведь ты чуть не агнецом,
Чуть не ангелом в моей-то проблемочке,
А попробуй в моей шкурке Казанцевой!?
Тут мозоли вспухнут сразу. На темечке.

Уж и всем-то я нужна, душка-лапочка,
Как из веника цветущего веточка!
Бигуди. Мужья. Вареники. Тапочки.
Два привета в двух висках. Сигареточка!

1996г

И будет неотъемлемо и свято
Предвосхищенье истины, разлитой
в пространствах наших кухонных баталий,
в потемках наших сумеречных снов.
Любовь безадресна и неуничтожима!
Все остальное- прах и суета.
Все остальное измеримо телом
и Богом называться недостойно.
Все остальное – сурик декораций.
Все остальное – стычка самолюбий
в ежесекундной бойне двух гордынь.
Все остальное – смертно и нелепо.
Все остальное пахнет несвободой,
ошейником и жестким поводком,
безрадостным убожеством предательств-

антонимом порханья в облаках.

Все остальное – меньше ,чем на жизнь.

Все остальное- проще, чем на душу.

Все остальное- мельче нас на Бога.

Любовь- безадресна и неуничтожима!

1997г

Тарханкут-1

Здесь бабочки садятся на рукав,

Как дар за безусловную любовь.

Здесь контур стен разрушенных дрожит.

Что за столетье? Звезды светят те же.

Мы сослепу созвездья перепутав,

В клубок свиваем ниточки судьбы.

Нет скверны здесь. Дилеммы «быт и я»,

У бытия ворующей мгновенья.

Здесь и сейчас. И нету зависти к бессмертным.

Одна забота: как вспомнить имя? Впрочем надо ли?

Поется – значит пой! Сольется голос с флейтой,

Станет ветром, воспоминаньем, обещаньем чуда!

А кто-то скажет: глина- не душа. То амфора о чем-то тихо плачет.

Причерноморье. Чертов угол. Степь.

Июль. Конец столетья, но не жизни.

Ос земляных в полосочку флажки,

Как пограничная разметка –в желто-черном.

Уж если рай когда-то создан был,

Не весь был отнят- это вот осколок...

Рапана раковину к уху приложу.

Соленый гул прибоя. Чей-то голос.

Тарханкут-2

Господи! Пусть все идет, как идет!

Рядом с этой водой, что йодом пахнет и млечною вечностью.

В медной коже с ладонью, расцарапанной крабьей конечностью!

Рядом с этой луной треугольной, под которою все пройдет!

Господи! Пусть все идет, как идет!

Станный июль! Я рыб и облака кормлю с ладони

Россыпью мелодий случайных!

Станный июль! С забытым мятным привкусом покоя

И терпкого жасминного чая.

Станный июль! Уже не разобрать:

это флейта, ветер, созвучье нечаянное!

Станный июль! Со старой песней, уже не моей, прощание.

Господи! Пусть все идет, как идет!

Сыплет звезды на холм, где кузнечиков стрекот

Это желтое лето в тесной бухте, где флюгер

От непостоянства ветра с ума сойдет,

Не промолвив вопросы, я на них получаю ответы...

Дымное зеркало августа- небо над городом
 Дынною мягкостью пахнет и длинными ливнями.
 Брызнув неловко в листву сигаретой прогорклою,
 Девочка – осень рисует прозрачные линии.
 Рванный эскизик любви, акварельку, закину я.
 Тает во мне сумасшедшинка пряного праздника
 Светит лампадною благостью,
 Пахнет лавандовой мягкостью.
 Недоговорено. Кануло в море. Да сгнуло.

И мокрые кошки под сине-зеленым дождем
 Египетских жриц чем-то в профиль мне напоминают.
 Я в лужи смотрю, как ручная луна в водоем.
 Впрочем, лун, кошек и женщин ручных не бывает...

1997г.

Жизнь – истонченная мыслями до толщины промокашки.
 Праздники – носом в стекло, за которым гремят фейерверки.
 Будни – утро, кофе, работа, бессонница, утро.
 Строчки – эти без спросу, сквозь будни, друзей, сны и годы.
 Ах, как по разному молятся разному Богу:
 Я – словом, созвучным неистовым ритмам пространства.
 Кто-то ребенком, кто-то – картиной,
 Желто-оранжевой россыпью с древа библейской породы
 В старом саду моей бабушки.
 Там пятилетнее солнышко в мятной траве заблудилось:
 О вечном уже забыло, о смерти еще не знает,
 И счастливо. Жаль – ненадолго.
 Лет десять осталось до праздников – носом в стекло,
 И будней – утро, кофе, мысли, бессонница, утро.

1997

Мы будем жить с тобой на разных небесах,
Ворча в пространство об одно и том же:
Что так непрочен мир, и даже кожа
Не держит душу. Тело- тлен и прах.
И три кита уплыли кто куда.
И этот шарик елочный зеленый
Кокетливо, вприпрыжку метит в ад!
Что век недолог, океан соленый,
И снова что-то хочется в Париж...
Что раньше сладкою была вода,
любовь правдивей и прочнее крыша.
Теперь вот подло съехать норовит,
Но гвозди вовремя вбивает кто-то добрый-
Должно быть, Бог...жалеет потихоньку.
Март... Три кота под крышей заорут,
Из черепицы выложу узор.
Вот так и пишутся стихи про то, что будем
Тихонько жить на разных небесах,
Натягивая шляпу на глаза,
Чтоб не дай бог, чтоб не наткнулись люди.
Мы будем петь на разных языках,
Мы будем жить на разных облаках –
И слава богу...Право, слава богу!

1997г.

В аспидно-мокрой кромешной жестокости

Осень уже подбирает оттенки...

Пепельны души, закаты нерадостны...

-Что ты, любимая, лето бесчинствует!

Льются витрины, пугая стоокостью,

В оспинах капель- следы бутафории,

В красках призывных и ярких ненужность...

Что ты, любимая, лето бесчинствует!

Ты произнес: я люблю тебя всякую!

Я же – в свинцовых кругах под глазами

Камнем тону! Так обыденность стиснет!

-Что ты, любимая, лето бесчинствует!

Где-то судьба, как небесная пряжа,

Пряжу, струну, седину со строками

В жизнь обращает, в ранет золотистый!

Женской рукой мир бессмертье срывает!

-Что ты, любимая, лето бесчинствует! Вечно!

Музыкантик

Это поздно... Это поздно...
И не стоит. И не надо.
Листопадным дождём занесло.
Странный город присмиривший,
И ограду, как награду,
Где минувшее травой поросло.

Там в чугунных завитушках.
И в кокетливом барокко
Рог вина лукавый Бахус щедро на асфальт прольёт.
Там свирели. Где же флейта?
Там молчащая пастушка.
Ей фарфоровые песни музыкантик пропоёт.

Пой, ну что же ты? Случилось!
Вот из гипсового сердца
Проросла, как повилика, как чернёная слеза,
Невозможность возвратиться
В те мгновения, где пелось
Так, что Бог сквозил сквозь пальцы, голос, душу и глаза.

Пой, не повзрослевший, странный,
Потерявшийся, пропащий
Музыкантик. Что кому-то ты пытался доказать?
Флейта стихла. Вот ограда.
И не стоит. И не надо.
Ключ утерян. Имя стёрто. От бравад рябит в глазах...

Пой, ну что же ты? Случилось!
Вот из гипсового сердца
Проросла, как повилика, как чернёная слеза,
Невозможность возвратиться
В те мгновения, где пелось
Так...

Четкость травы. Фон – вечернее небо. Ясно.
 Я – сквозь морось и муть всех своих недо...
 Трава – прекрасна...
 Желтый подсолныш, растрепыш, бродяга,
 выкормыш лета,
 будем жить дальше. А возвращаться – плохая примета.

1997г.

Я здесь так долго не жила! Я здесь так долго не летала!
 Тут слишком мало – от гнезда, тут слишком много – от вокзала.
 Друзья идут, как поезда, все с горя грузом многотонным.
 Тут моя шалая звезда скулит в квадратик законный!
 Стучит октябрь коготком в стекла сиреневую латку,
 Спит скроенный неловко дом скворечником оглохшим, зябким.
 Летят на лучик за окном все бабочки чужого горя,
 Тревожно всхлипнет телефон- чужую жизнь лечу любовью...
 Свое потерпит, подождет, одумается и отступит.
 Наохлится совенком, чтоб бесслезно не моргать на людях.
 Мы с осенью здесь в унисон на Покрова, в ночь у Пречистой.
 Пока нужна, пока дышу, болит душа- живет чисто.\

1997г.

Пятым колесом у телеги-зимы,
 Пыльным голоском, тусклой тенью струны,
 Вылиняла в дождь- неба дешев лоскут-
 Спи, моя душа, в нас нет надобности тут...
 Где швыряет жизнь мне ответы вразброс,
 Где солгавший раз лжет теперь на износ,
 где осипший вой бомжеватой луны
 в форточке, как рыжий прищур сатаны...
 Где поется мне через силу, негромко,
 Где забытый крест – не на шее, в котомке...
 Где живет «вчера», да не выжило «завтра»,
 Где по вечерам – мятный привкус инфаркта,
 Где назначен срок. Дальше жизнь после жизни.
 С новой телефонной книгой и болью,
 С новыми стихами- как свет после кори,
 С новыми игрушками, лицами, мыслями...
 С новыми ступеньками – старые узки,

с новыми одежками- тесно мне в старых...
 Прошлое завяжется накрепко в узел,
 Канет в светлый шрамик на деке гитарной...
 Спи ,мое «вчера», в нас нет надобы тут...

1997г.

Зима в истерике: с утра метель, к обеду- ливень.
 И Рождество сияет апельсинной коркой.
 И сквозь замотанные лица проступают лики.
 И бродят псы – ну с абсолютно не звериной мордой!
 Я вам сегодня позвоню – и праздник будет в доме.
 Запахнет медом и вином, сечами и корицей.
 Как славно: теплые глаза и добрые ладони.
 Какое счастье: целый вечер это будет длиться!
 Придет январь, придет январь в морозных конопушках,
 Шагнем в него, себя, вчерашних, еле узнавая.
 Прекраснодушия, друзья мои, желаю душам!
 Прекрасножития, друзья мои, я вам желаю!

1997г.

Моя мансарда здесь, на пятом этаже...

Моя мансарда здесь, на пятом этаже,
 Где сквозь гардины в дом перетекает небо,
 Где звёзд несладкое и жёлтое драже,
 Как крошки колкие ржаного хлеба.
 Приветствую тебя, судьба!
 Учю, как алфавит: аз, буки, веде...
 Хоть и кроет жизнь неправедным глаголом...
 Мир столько отобрал у бедных Маргарит,
 Что не поможет здесь не Иешуа, ни Воланд.
 Добро, хоть рукопись из пламени спасла,
 Душа лепечет стих, пусть кожа – волдырями!
 Да, подмастерьям здесь, и вправду, - несть числа,
 Обидно, что никак не станут Мастерами.
 Присядем, Гелла! Тут не Руан, а я - не Жанна д'Арк,
 Пошлём за кофейком в ночной ларёк Фагота,

А с желтыми цветами бродить не тянет в парк,
 Вот разве в гастроном... За колбасой для Бегемота.
 Моя мансарда здесь, на пятом этаже,
 Где сквозь гардины в дом перетекает утро.
 Метле, что не летала пару сотен лет уже,
 Я песенку свою спою... Ну, хоть кому-то...

1998

Я перестала быть добычей
 Досужих вымыслов и слухов,
 Румяных отроков, приличьем
 Не отличающихся впрочем!
 Я перестала быть добычей
 Лукавых лучников, чье ухо
 Прилежно ловит голос дичи
 И глохнет, лишь отстрел закончен!
 Я перестала быть добычей
 Для хитрых бестий-птицеловов,
 Чтоб после в зоомагазине
 Рулад не петь, душой тускнея,
 Я перестала быть добычей,
 не называю клетку кровом,
 не признаю бои без правил,
 чужое счастье красть не смею!
 Я перестала быть добычей –
 И в этом, видимо, все дело!
 Охоты древние законы-
 Все это в прошлом, прошлом, прошлом!
 Я перестала быть добычей
 И в ранг охотников не тянет.
 Живу под крышей со стрижами
 Поющей киплинговской кошкой...

1998г.

Уже пугает эта параллельность.
 Звонки в ответ на мысленное» здравствуй»!
 Два – молча!- монолога бесконечных
 С коротким перерывом в сон недолгий.
 С каштана веткой (жалко! показать бы!),
 С рассеянным теченьем внешней жизни,

Где тормозят: спустись с небес на землю!
 И чтением тех же книжек в одночасье
 Под черный кофе мелкими глотками.
 Боюсь, все катится к банальному финалу!
 Опасно петь одни и те же песни.
 А начиналось так оптимистично:
 В двух разных городах- и слава богу!
 В одной квартире? свят-свят! серпентарий!
 Должно быть карма, или – телефон, или – похожесть.
 Или- уж не знаю! Придумай сам! И чтоб правдоподобно!
 И нечего синхронно улыбаться
 Под черный кофе мелкими глотками
 В двух разных городах – и слава богу!

1998г.

Блюзик

Луна проклюнулась слева в окне.
 Живу без лейтмотива. Просто жива.
 Любим подтекстам, замолчавшим во мне,
 Вовне тихонько подпевает листва.
 Дождливый блюз- или блюзовый дождь?
 Шуршанье листьев.2.17. Коты.
 Ночной травы сиротской влажная дрожь.
 А где-то там без уточнений – и ты!
 Я перестала верить как орлу, так и решке!
 Я перестала верить в случайнейшие дуэты.
 Сиреневый привкус мяты-
 вот он такой, как и прежде.
 Все остальное- тут либо в безлюдье,
 либо в запой, либо в поэты!
 Луна проклюнулась справа в окне!
 3.25.Стрижи во сне – о своем!
 А утром сквозь свой сплин
 Ты улыбнешься мне.
 И станет как-то неловко в доме твоём.
 Дождливый блюз. Или блюзовый дождь.
 Все мимолетно- ноты, ночь и коты.
 Ночной травы сиротской влажная дрожь.
 И где-то там мне подпевающий
 Крайне случайный ты!

1998г.

Опять февраль. И лампа желтым колокольчиком.
 Все. Больше некого и незачем менять.
 Мир справедлив и так. Зима закончилась.
 И плакать нечего. И некого терять.
 Житейских мелочей смешная взвесь
 Тихонько, исподволь, последним снегом вспять...
 Не выйдет! Слишком дорого «я есмь»
 душе досталось, чтобы это отдавать!
 Зима закончилась! Не переделать свет.
 А так пыталась- с кем же не бывает?
 В предчувствии тепла, по всем приметам,
 Душа вполголоса пространству подпевает.

1998г.

И кран— зануда хлюпает на кухне,
 Выматывая нервы и минуты,
 Сквозняк и запах неба над обрывом,
 В один колючий шерстяной клубок.
 А из него раздерганное утро
 Довяжет для смирительной рубахи -
 На перекрестке двух дорог и судеб -
 Длиннющий правый скомканный рукав.
 Не ставший! Не случившийся!
 С обновкой!
 Из молодой полыни и крапивы...
 Срывая ногти, надрывая память,
 Дарю! Смирись! И с миром!
 И прощай.

1998г

Живи, как можешь, как не можешь — тоже...
 Без чертика в сгустившейся крови,
 Без паузы между душой и кожей —
 Лишь этим перед небом все правы...
 Когда бледней чужой натужной боли,
 Кристалликами соли — соль земли? -
 Я растворюсь в реке уже не горя,
 Не я, а тень. Лишь память о любви.

Ну, зачерпнешь воды соленой Леты -
 Склон в две тропинки слишком, видно, крут...
 Есть женщины – в них плещутся рассветы.
 А есть другие. С ними и живут...

1998г

Это не у Кая в сердце вьюга, в сердце льдинка, в сердце холод.
 Это неприкаянная Герда. Душа тростинка. А песни – горлом...
 Черных лебедей в пруду осталось- ах, как немного. Все бьются-плачут.
 Белыми же были. Стынь опалила. А без надежды – душа незряча.
 Песенками жизнь заморозила, судьбе струною связав запястья.
 Это ненадолго... Быт весь прошила суровой ниткой. А где же счастье?!
 Так сорить рассеянно стихами, дарить прощенья, жить вполовину...
 Это до единственного камня, что за собою сорвет лавину.
 Черных лебедей в пруду осталось - ах, как немного. Все бьются-плачут.
 Вот две дорожки. Меж ними – чудо: в зеленке локоть, в ладошках – мячик...
 Это не у Кая в сердце вьюга, в сердце льдинка, в сердце – холод.
 Это не при Кае все та же Герда. Все те же песни – лебяжьим горлом...

1998г.

Курице кудахтать, птице – петь...
 Ты столь благодатная почва для моих драматических талантов!
 Все это страшно непрочное! Смешное черт те что сияло сбоку алым бантом
 Недолго! Недолго...
 Я перышки чищу - нашла занятие. Без дома, без крыши – так легче дышится!
 Не скучно ли, милый, тебе в курятнике? Осенние ветры, душа колыхнется

То вправо, то влево. Пестрит заплатами. А были мы певчими да крылатыми,
А были мы вольными... Тебе белых перьев терять не больно?!

Не быть мне нахрапистой квочкой с хлопотливым куриным бель канто.

Рассыплю горсть многоточий. А зыбкое гнездо с зарытым талантом- не для
меня... Ты знаешь, не для меня!

Я перышки чищу - нашла занятие. Без дома, без крыши – так легче дышится!

Не скучно ли, милый, тебе в курятнике? Осенние ветры, душа колышется

То вправо, то влево. Пестрит заплатами. А были мы певчими да крылатыми,

А были мы вольными... Тебе белых перьев терять не больно?!

Курице кудахтать, птице – петь...

Курице кудахтать, птице – петь...

Курице кудахтать, птице – петь...

1999г.-2000г.

Ах, как накурено,
припудрено словами,
намудрено.

И взглядом искоса,
как поводком, в попытке -
не отпустить!

Прожито, прОпито,
пропето, проклято,
и так налюблено...

Всё - без меня.

А я - пейзаж в стекле оконном,
дождём прошит...

Весёлой ленточкой.

Сколькими взглядами
стекло захватано?

Мы - параллельны. Точка.

И моря - между –
не иссушить!

Глаза к глазам

(хоть так приблизить!):
- Что тебе надобно?
Какое дело
тебе, неблизкому,
вдруг - до моей души?
Стекло спасает –
вскользь, мимо, песенкой,
легко, ненадолго.
Не надо - сквозь!
Сквозит страданием!
В клубочки - радугу?
Сколькими смотана?
Всё по оттеночкам!
И - прочь! Не надобно!
Вязать салфеточки?
Латать заплаточки?
Носки? Из радуги...
Невмоготу!
С телами проще всё,
вот души - корчатся
Поскольку - сквозь...
Инь - ян - И - яблоко.
И - полнолуние!
Заполняет полнота.
Бог? Солнце?
Почкою
Взрывает душу,
порой в бессмертие,
порой в безумие.
В иную данность,
где мерки странны,
свет не очерчен, чист.
И в долгих гласных
протяжно, гулко
те-чет- и- длит-ся- мир...
А бытие
под лёгкой строчкой –
снег, первозданный лист.
И зеленеет
в саду у Господа,
где нет ограды, мирт.

1999-2000г.

Рубахи

Дай я придумаю: мы бы так радостно жили
В комнате с солнечным зайчиком вместо собаки.
Песенки, хлеб и гитару на пару б делили!
Мамка-судьба так щедра! Две счастливых рубахи...

Только такая, пойми, нелогичная штука:
Осень - пора перемен, с места души срывает!
И, рукавами всплеснув, без почётного круга
Обе счастливых рубахи с верёвки взмывают.

Я бы в ту зиму с пустою сиротской верёвкой
Жгла б не мосты, а стихи... ты бы будни листал...
Я бы ждала: всё вернётся на круги. Вот только
Женщинам ждать так привычно. А ты бы не стал.

Знаешь, весной прилетели б пропажи из пряжи тонкой,
как полотняная сказка, пропахшая счастьем,
Обе рубахи вернулись бы... и с рубашонком,
Я б отдала твою с тонкою вышитой вязью...

Дай я придумаю: мы бы так радостно жили
В комнате с солнечным зайчиком вместо собаки.

1999г.

Калыбельная бернату мальчику с легкой небритостью

Луковое ты моё горюшко!
Да не горюшко, лишь огарочек...
Дым да пепел, сажа на донышке...
Не выходит - жить без помарочек.

Белых невесомейших пёрышек
Бог насыплет - зиму разрисовать,
Ни двора, мой свет, да ни колышка,
Камни брошены, время собирать!

Луковое ты моё горюшко!
Да не горушка, серый камушек!
Я теперь - не ты! - ветер в полюшке,
кость для кумушек, не хомут для шей!

Счастье - то пришей на своё лицо,
Для неё, а вовсе не для меня.
Круг спасательный - не моё кольцо,
А в моём не смог бы прожить и дня...

Луковое ты моё горюшко...
Да не горушка, серый камушек...
Да не горюшко, лишь огарочек...

Блюзик

В примах сгоревших театров абсурда,
 Мерси, побывала...
 Стихи – для глухих переводы, сурдо, с себя –
 Надоело!
 Всяк, приближающийся на полвздоха,
 Зовет перевалом,
 И вниз – разреженный воздух! тяжело! –
 Что б я не пела...
 Этаж всего ничего – пятый! В заоблачных высях!
 Здесь плавно стекают закаты по капле
 На пыльные скверы.
 Итак, человек человеку – небо,
 Если светом пронизан,
 Но чаще - человек человеку – выстрел...
 Печет за грудиной – скверно!
 Логикой этот мир не измерить,
 Он напрочь и весь - алогичен!
 Душа завернута в тело да хвори,
 Как младенец в пеленки.
 У всех пограничное состояние –
 Виват, значит, все пограничники!
 “Блюз – это когда хорошему человеку плохо!”-
 Орет пространство с хрипящей пленки.
 А впрочем... Уютный дождь. И завтра, согласна,
 Пусть будет завтра!
 Голову в форточку... Гроза хулиганит...
 Глотнуть озона.
 Я есмь. Существую в мансарде
 За неимением Монмартра.
 Здесь весны с цветами долго не вянут.
 Шаг вправо, шаг влево – обрыв! И вниз –
 Никакого резона...

1999г.

Знаешь, деревья струятся в небо.
 Души людские стремятся тоже.
 То, что другими зовется «небыль»,
 Так на тебя и меня похоже.
 В этой не были, а призрачной сказке
 Пылью прожитому солнцу нет места,
 Как и судьбе, клоунессе без маски,
 С кошкой крылатой в ошейнике тесном.
 Оба из мира волхвующих строчек,
 Вместо рубах смиренных белых –
 Разные стаи. Ты кровно из волчьей,
 Я из пернатой, поющей и - беглой...
 Сбросила строчки, лицо, голос, имя.
 Славно струиться ветвями в то «вечно».
 Звуком живу. Медом. Словом. Полынью.
 Сном для тебя. Для других – человеком.
 В небыли – проще. В небе ли? Выше?
 На небеленой холстине лета
 Миг, как и я, черной тушью выжжен.
 Так и дышу – неприрученной флейтой...

1999г.

Вспомню, что женщина. И помечтаю о платье
 Пестрой, осенней, рдяной, в бликах солнца - окраски.
 С дымным подолом сиренево-синих туманов...
 В черточках стай – из позавчерашних гнездовий.
 С ветками дуба на строгого кроя манжетах,
 С ветками липы зеленой у ворота, сбоку.
 С охрой родного – до сока в крови! – кипариса,
 Прямо у сердца, напротив, навыворот и - на жизнь!
 Я Боттичелли навыворот. Что ж получилось?
 Анти - весна? То есть осень. Но осень роднее.
 Утром пусть почта письмо тебе срочно доставит.
 А на столе вдруг проявится гроздь винограда.

То из письма лоскуток – как расцветка? понравилась? –
Выпал...

1999г.

По серьгу фонаря этот город завяз в непогоде.
Сумрак кисточкой водит - и кляксой растекся пейзаж.
Телефон раскален: кто-то снова меня не находит
В суетливом жужжанье сезонных-к зиме- распродаж...
Стало меньше обид, стало небо подробней и ближе,
Преломлю этот мир, поделюсь каждой крошкой дня.
В этом вареве судеб Бог мелодию нами напишет,
В ней цветут Его очи, в ней – на пару грустинок меня...
А что версты и дождь, и провинция снегом забыта...
Больше времени думать, вечность мыслью царапать спеша,
Ломкий воздух ночи, что синеет тоскою разлитой,
Вновь, спасаясь работой, отстирает от пыли душа.

1999г.

Мой сутулый сентябрь! Наконец ты развеял былое!
Ты еще желторот, ты еще не жесток, не кровав!
Как настоем из трав, свои дни я покоем умою.
Я не спорю ни с кем. Небу видно: кто прав, кто неправ.
Этот мерный напев веет из-за невидимой грани,
Где уже все равно, все равны, безымянны, чисты...
Смуглый старец Харон с воспаленными злыми губами

Примет каждый пятак, что еще на глазах не остыл!
 Все мне ведомо! Правь эти песенки красным чернилом,
 Осень, серая птица, прикрой немигающий глаз!
 Чтобы я в этом теле поющей сумела случиться,
 Надо было меня безголосой рождать - и не раз!
 Больше нечем дышать, больше нечем от Бога прикрыться!
 Вон маячат вдали все, кто горе и счастье дарил,
 А прозрачный ледок из улыбчивых глаз ясновидцев
 Потихоньку затянет глаза и мои...и мои.

1999г.

Мне будет день шестой...

Мне будет день шестой как дар отдохновенья
 Преподнесен за все. Припрятанный от всех,
 В текучем пепле слов, в четвертом измеренье,
 Где смехом станет плач, улыбкой станет смех.
 Здесь, в точке мудрых Будд, звенящих равноденствий
 Пришла пора сиять с покоем в унисон.
 Здесь темная свеча моих пустяшных бедствий
 Серебряным дождем стечет в шуршащий сон.
 И чабрецом горчит рассветное мгновенье,
 Запекшись каплей солнца на вымытом стекле.
 Припомнится ль потом в каком-то измеренье
 Я-снятаяся вам, вы-снящиеся мне?
 И тень моя легка, не скомкает ни слова,
 Кто чем займет свой быт- мной пишет Бог стихи.

Мне будет день шестой. А завтра? Завтра снова
Пропалывать себя, сжигать черновики...

1999г.

Ну, как тебе живется день за днем
С – не потому, что радостно – улыбкой?
С – не потому, что вышло так – судьбой?
С – не потому, что любитесь – любовью?
По следу от сгоревшего моста
Душа пройдет, а ты? А ты не сможешь,
Один вон как – то по воде шагал,
Но он ведь Бог. А тело? Так, набросок,
Из, помнится, в легенде было – глины...
Когда душа перелетит порог,
На ощупь вспоминая запах дома,
Ты – там, за дверью ... вновь звонок молчит...
С – не потому, что радостно – улыбкой,
С – не потому, что вышло так – судьбой,
С – не потому, что любитесь – любовью
Останешься. Жить. День за днем.
На сдачу...

1999г.

Лишь контур одинокого плеча
Расплывчат. Он теряет чувство меры
И переходит. Нет, перетекает
В безмерность. Там оставив единичность.
А вечность – золотисто – горяча,
Так солнце, настигая утром спелым,
Шершаво льет лучи на свежесть кожи:
Проснешься от того, что ты бессмертен.
И удивишься – надо ж! – то же тело.
И жив. Пока. Как будто лифт открылся,
Случайно вышел ты на этаже,
Где все имеет имя. Где набросок

Передаёт всегда точнее душу. Поскольку чист
И радостно случаен. Как то, что именуется
«любовь»...

Где нужно оторваться от других
Чтоб контур одинокого плеча
Переходил. Легко перетекая в безмерность,
Там оставив единичность.

1999г.

Поэма выбора

Между вещью и сутью, так и быть,
Выбираю второе.

Значит зрячая – вглубь!

Значит зряшное – прочь!

Значит злое – презреть!

Там с простреленной грудью

У медовой стены травостоя

Суждено моей сказке нелепой,

Смешной -

умереть.

А что скажут о ней

Звонари – трепачи с колоколен, -

Все едино – вольна!

Все едино – волна!

Все едино – одна!

Мой коротенький миг

Неизбежным зияет проколом

На счастливых билетах

ваших дней

Я – отрывок из сна!

Вот мои непобеды и победы -

С итогом похожим,

Вот мои полуночья

С клочками клокочущих смет,

Вот мои «счет оплачен!»

С тьмой, бездомьем, глазами

Прохожих,

Вот – мое – отродясь

до рожденья, до жизни –
 поэт!
 Этим всем заклинаю
 Древним ритмом кликуш и весталок...
 Не значеньем – звучаньем,
 Не словами, а Словом – услышь!
 Ты – равней не бывает! –
 Как Пространство, страницы
 Листая,
 Подсказало – мой голос, мое имя,
 Мой город и – тишь!
 Эту паузу между
 Поездами. Тишайшее нечто
 Что за гранью суть свет,
 А под небом любовью зовут,
 Между вдохом и выдохом
 Это тишь – несказанное «вечно»
 Чье отсутствие – брешь! –
 Оплетают в кандалный уют.
 В быт скандальный, грызню,
 В морозильные камеры «эго»,
 В параллельность судеб,
 В лицедейство, что снег занесет,
 В тень на собственном лбу
 От клетчатого серого неба,
 И тюремную пайку, - взгляд хотя бы! –
 Не то чтобы – все!
 Отболела. Вольна.
 Просесть в челке. Серебряной стала.
 Не в колечках черненных – в строчках
 Пробы шальной серебро.
 И покой. И рассвет. И – на новый виток.
 И – усталость...
 Благодарность – учили! –
 Добрым людям за злое добро.
 Отучилась. Плывет стрелка
 К мною намеченной точке.
 Обрекаю на встречу строчкой, верой
 И сотней примет.
 Напророчу дорогу. И тебя.
 Подошла твоя очередь.
 Скорый. Номер... Ночной...

Да, плацкарт...
Покупаешь билет.

1999г.

У Кая поседевшие виски,
Ему все так же не сидится дома,
Где Герда вяжет теплые носки,
Где воробьи галдят у гастронома.
Там хлипкий быт, средь этой маеты
Ему не спится, будто кто обидел.
Он в каждой встречной ищет те черты,
Которые в окне замерзшем видел...
Нужны вагон, дорога и вокзал,
Чтоб подытожить жизнь строкой припева
Про синий снег, и сумерки в глазах,
И теплый голос Снежной королевы!
А Герда куст с розанами польет,
И лук посадит, мак весной посеет.
Она спасала, и еще спасет
Седого мальчика. Когда ж он повзрослеет?
Когда поймет, вот, серебро в висок,
Уже пожил на свете-то немало:
У каждой встречной – недовязанный носок,
И Гердой каждая когда-то побывала...
Но не сидится Каю в тишине.
Он песенку серебряную пишет.
И годы птицами мелькнут в его окне,
И Герда терпеливо рядом дышит...
...Ах, синий снег, и сумерки в глазах,
И теплый голос Снежной королевы...

1999г.

Переплетчик постарался
 И на славу вышла книжка!
 В ней картинки, акварельки,
 Сладкий пряник, март, коты.
 Наша дворничиха Ксюха,
 Как промокшая мартышка
 Двор метет. Подъезд. Квартира.
 В телефонной будке ты.

Переплетчик постарался
 Жанр ни как не обозначу:
 То ли трагиопупея, то ли
 Гранд апофигей!
 На странице номер восемь
 В твою трубку не заплачу,
 На странице номер девять
 Ты кефиром грусть запей.

Переплетчик постарался
 Кнут – в прихожей, пряник –
 к чаю,
 Перепутал строчки, даты,
 Лица, города, мечты,
 На странице номер восемь
 Телефончик отключаю,
 На странице номер девять
 телефон терзаешь ты!

1999г.

Вальсик

Престранное занятие – выслушивать с улыбками
 Пространные вступления про странности судьбы,
 Что сводит нас – кого с ума, кого – с сумой ошибок,
 Кого – с дорожки-лезвия на ниточку тропы...

Ах медленные сумерки минорных чаепитий,
 И всяк по-своему не прав, хоть думает, что прав...
 Случайные, до немоты, мы без кулис и зрителей,

Нас мастер кукольных забав зачем-то здесь собрал...

Это рабочие сцены, наверно, застряли в курилке,
Так нас из разных спектаклей сюда занесло ненадолго.
Здравствуйтесь, милые, я вас не помню, но дух закулисный
Мне так знаком, как из выходов прошлых мелодий осколки!

Престранное занятие – пространству потакая,
Миг придержать за крылышко, мы все в нем так светлы...
Смородинные сумерки, вино с цветочным чаем,
И пьеску пишет перышко про странности судьбы...

1999г

Рамашка в надтреснутой вазе

В части света, что поболее будки,
Но поменее норки с евроремонтом под ключ,
И, заметьте с как бы мраморной ванной а ля джакузи,
Где всегда возвращаюсь на круги своя
В отведенное для поэтов пространство...
Здесь бардак – надводная часть Закона,
Иероглифам коего в мире один толкователь – Господь...
Растолкав ресницами воздух:
Часть молекул, как шарики мыльные, - вверх!
Часть – к полу (счастливые, их ничего не грузит!)
Просыпаюсь. Над разбуженным ульем города,
Связкой унылых проблем, бытом, чтоб ему...
И крышей ржавой с оторванным краем – под.
Это с детства: объемное зрение не трехмерного мира
По ошибке подарено существу – по Библии –
Из ребра Адамова (кости супер безмозглой),
Проще, женщине, чье «церковь, ребенок, кухня»
(Ах, немецкие бургеры : мундирчик, капуста, сосиски,
Пиво и скудость фантазии),
Как муху в варенье, в быт должно бы впечатать!
Вот и маются бедные ребродарители,
Считая стихи – блажью, принадлежность к стихиям –
Ересью. А свободу, конечно, крамолой...
Не забывая злословить – куда там Адамовым ребрам –

Но забегая на огонек и чашку иногда даже чая –
 Посплетничать по мужски, и не очень...
 Но сегодня гостей не будет. Это утро
 Легко, до краев, как белую вазу водой,
 Я заполню дождем, шорохом липы цветущей,
 Холодным июлем...
 В этом утре, заполненном до краев,
 Я оставлю твой голос, как ромашку в надтреснутой вазе.
 А лепестков «любит – не любит?» - блажь, детство! –
 срывать не стану. И так все ясно
 в (как Бог подарит) моем «сегодня» ...

1999г.

Ливадия

Песня седая, как крымский рассветный туман.
 Песня седая, как тополь с ночной дорогой.
 Пуст горизонт, день грядущий, дырявый карман...
 Там столько соли небесной. Ее на двоих слишком много.
 В белых кристалликах хрустких – и вдребезги! – Солнц,
 В нежных рассветных секундах, так скупно отмеренных.
 Мы – по скользящей, легко, мимо утра в оконце-
 В белый колодец вне звуков, имен, тел и времени
 В прошлую встречу. Не помню, в каком из столетий,
 Где сохранила альбом со степным колокольчиком.
 Бегло, с размахом, на «ять» твой небрежный сонетик...
 Был он изящен, но – Боже мой! – что же за почерк!
 Там что – то важное. То, что сейчас ты не понял,
 Там были счастливы в доме с луной над карнизом –
 Вспомни! Не в этой – рассвет, неба всплеск, подоконник...
 В будущей? В прошлой – целую глаза твои... – жизни?

1999г.

И лилий сапунного цвета лепестки...

*Медитация над дымом мажжевеельника или
попытка вспомнить...*

Поотражаемся? Улыбка, - но глазами,
Ладонь к ладони – и дымится грань,
И плавится, колеблется. Вот-вот:
Ты – я – и Мир. Мир – ты – и я.
Мир – ни тебя – и ни меня... Мир – мы –
И - ...?В сторону? Не по себе. Опасность.
Знакомо это – не бытие меня.
Любовь – слияние – и смерть – и возрождение?...
Пока что стопорилось на счет „три”.
Не с тем летать, как видно, доводилось.
Так и ношу осколок смерти серый,
Глаза стальные. Были ж зеленей
Сиренево – зелёной дымки моря.
Стоп.

В сторону.

Центр урагана.

Тихо...

Фонарь. И май. И капля дождевая.
Дорожкой несолёной на виске.
Ты сцеловал бы – так пьют воду птицы.
Страхну. Не слёзы. Впрочем, так похоже.
Центр урагана. Ровная душа –
Не равнодушие, всего лишь равновесье.
Твоей улыбке в эту точку не пробиться
Сквозь ураган. И вот её уносит,
как и страницы с нервными стихами
и письмами. Их почта не дождётся,
ведь домовый стащил тихонько адрес,
как память взглядов и твоих прикосновений.
Так знахари разглаживают души
и листья деревца болящего, шепча
в зелёную ладошку каждой ветке:
- Расти, почувствуй, я тебя люблю...!
Уносит вместе с памятью о ливне

Под черным зонтиком (дом временный нам, вечным),
 На миг. И глубже: Боже, это было
 Когда-то : то ли в прошлом, то ли раньше –
 В том мире солнце фиолетового цвета.
 Да, зряче только сердце у людей.
 А главного глазами не увидеть.
 Экзюпери был прав. Но бедной Розе
 Не выжить без колючек и любви,
 А Принцу маленькому
 Скучно жить без странствий...
 Где ты, Гармония? Куда запропастилась?
 Мне проще: лилиям колючки не нужны,
 Любви кусочек защищать нелепо,
 Когда её - на целый океан.
 Душа – вместилище, и мера, и сосуд.
 Черпай, не захлебнуться б только. Много!
 Но принц - часть океана, а не остров,
 единственный, где можно не оглохнуть,
 поскольку есть с кем о погоде поболтать...
 Я водное растение, наверно.
 И островок – грызня, котлетки, ревность –
 Мне противопоказан, тащит камнем...
 Балласт- и только...
 Аргумент „ как все ” смешон и неуместен.
 „Я вся – любовь! Сухая корка
 даренной мне дружбы – не нужно!” –
 шальных кровей Марина Цветаева.
 Что ж, видимо, от Бога
 Летающих не много. А коль есть,
 то в списках улетевших:
 Кто – в наркотик, кто – ласточкой в себя,
 Кто – в монастырь.
 Кто с подоконника – в любовь, как в небо;
 Кто - в небо, но, увы, на подоконник
 и в клетку чижином:
 хозяйка любит птичек!
 Кто – в хмель, кто – в творчество.
 Последнее приемлю...
 Я полный стебель. Мир, как ветер, - насквозь!
 Тогда рождается то ритм, то настроенье,
 То музыка, то жизнь, то танец древний –
 Ладони к небу! Так когда-то звёзды

Рассказывали жрицам о любви.
 То бисерная ниточка стихов –
 Гроза стихает, признавая равность.
 То разность: „Мир минус „я” равно
 Большой Огонь Галактик отдалённых”.
 Всё остальное майя, или лила –
 игра божественная (умницы буддисты)...
 да просто игры у детей, как и богов,
 бывают несколько бесчеловечны. Дети
 и музыка, святые и любовь, все боги, время,
 чувства и пространство, дух, камни и весна –
 над смыслом, над корыстью,
 и над жизнью. Живут в безвременье,
 а кто же там считает
 и каждый миг, и каждую любовь,
 и каждый взгляд - „мнебезтебяневыжить!”?
 Смешно, и слишком по-людски. А впрочем,
 мне только так и выжить разрешили.
 Как быть с людьми?
 Быт, островок и свет в окошке,
 шагать неловко с штампом на лбу:
 Моё, не трогать! –
 Над переносицей, чтоб третий глаз – ни-ни!
 К чему супружница, поющая в дуэте
 С прозрачным духом ручейка лесного?
 Отгородить и охранять – инстинкты!
 А ежели чего – то и зубами...
 Они болеют миром – и несчастны.
 А я переболела...и жива.
 Уж лучше игры. Дети простодушны.
 Над фальшью мира и его грехами.
 И боги – над. Смеются и сверкают,
 И льются – лила! – и лиловый сумрак,
 Душистый, мягкий сон иллюзий ткут,
 С лилейной нежностью лучась!...
 Они Любовь – блик света на лик Света,
 Ликуя, бросят.
 Ветка расцветёт, строка родится.
 На верхнем „си” сольюсь – и не умру,
 перевалив со счёта „три” в единство
 с Неизреченным, взмыв,
 как в небо с крыши.

Беден наш язык... лишь чувствовать –
Словами – невозможно!
Играя с миром и переливаясь,
Целуя душу, на душу не зарюсь.
Её – лишь Богово – мне продавать не надо,
А отдавать – не я решаю это.
На небесах - и то как исключенье.
Земля не место для счастливых пар.
...Ладонь к ладони. И дымится грань.
И плавится, колеблется. Во-вот...
Ты – я – и Мир. Мир – ты – и я.
Мир – ни тебя – и ни меня...
Мир – мы... И - ...
...Пожалуй, надо научиться плавать,
тогда доверить, доверяясь , проще.
Возможно, цвет былой весны – зелёный
На радужку вернётся. И во мне
Проступит вечность, растворяя смерть.
И станет радугой. И радостью. И домом,
Где к дыму очага спешат вернуться.
Ведь он не горек: дуб и можжевельник,
Полынь и мята, бересклет и клевер, и
И лилий солнечного цвета лепестки –
Вдохнуть и вспомнить.
Лишь вдохнуть и вспомнить...

1999 – 2000г.

*Здравствуй, праздник!**Дневник**История одного сильного
существования*

Сколько людских страстей и вожделений! Сколько раздраженной слюны! Всячески уклоняюсь от лицемерия моих близких в подобных состояниях, но не показываться на глаза – быть закрытой заживо. Люди прощают все, кроме уединения.

*М. Цветаева**Послесловие*

Жил - был Питер. А то, что он Пэн, выяснилось только тогда, когда в дождливый четверг в очередном городе N коллекционная, эксклюзивная, звенящая тонко фарфоровым горлом куколка, неважно как по имени, открыла для сквозняков придуманную дверь. Что увидела? Бутафорски несчастное выражение унылого носа под черной мокрой шляпой и услышала небритое «привет...» (как потом выяснилось, тщательно отрепетированное по системе Станиславского у зеркала) сквозь дырявый синий змеиный шарф, чья задача – символизировать бренность и преходящесть человеческого существования со слабым намеком на ростки гениальности у хозяина. Еще? Собачьи, живые, воспаленные, дикие глаза... Сидел бы мокрый щенок на пороге – эффект был бы тот же. Отогрела, откормила, оградила... Но это был не щенок, потому и обобрал... Душу(лучше б уж квартиру), - потому, что Пэн. Но это выясняется почему – то тогда, когда пункт приёма не бутафорских разбитых сердец уже закрыт, а в кардиологии это не лечат...

вовсе. Остается по детски наивно, даже беззлобно, даже не вслух удивиться:
- Питер, как же тебе внутри себя - то не холодно?

И – дальше по жизни. Только звук у гитары с треснувшей декой не тот. А вот в дверной глазок каждый раз заглядывать перед тем, как дверь распахнуть – противно. Хотя и неразумно, наверное...

Это липкое недоверие к жизни. А хочется жить, как дети. Они звенят фарфоровыми колокольчиками смеха перед открытой дверью на разноцветном живом ветру – и счастливы. Как это – счастливы? Вспомнить бы... Что это – праздник? Встретить бы...

А что же Питер? Он и в Африке – Пэн. Хотя и фамилия его почти что Иванов. Что совершенно не меняет сущ(ч?)ности индивида.

Даже среди аборигенов Эфиопии.

Ну, хоть что – то в этом мире не меняется...

Неафриканский монолог лирической героини

Оторвала от души краюху. Звездная. Без туч попалась!

Цветущей липы дикий, не городской какой-то запах. У – мо – пом – ра – чи – тель – ный! Из него можно сварить прохладный голубовато-июльский сон с призрачными лимонными дольками счастья, по-детски

беспомощного и доверяющего себя без-умно, а значит душой...Ты:

- Ах, мне бы бифштекс с кровью! И лучка поджарь, да побольше!

Налила в керамическое чудо самой себе подаренной чашки дымящееся озерцо Млечного пути с запахом первозданного Божьего рассвета, степи, росы и чабреца – испей! Ты:

- Да мне бы чаю. И сахара – восемь ложечек!

Крыло туманное в беломраморных прожилках – на лоб тебе. Спи. Твоя душа во сне – что моя наяву. Такие вот странные зазеркальные близняшки.

Поговорим у пограничного столба в сумерках? До встречи на

границ...Зеркало. Омут, прыгнул, выплыл, почти захлебнувшийся. Выжил.

Откачали. Отряхнулся. Пластырь на лоб – память о пограничном столбе.

Заживет...до встречи в нигде...До не встречи везде...

Теперь можно писать стихи вослед. Это проще, милый, чем выкорчевать из души желтый изящный цветок (греки о нем легенду сочинили) и оглянуться вокруг – как там жизнь происходит?

Попытка отказа

Послушайте, милый, хлебнувший житья до поры,
 Все было б иначе: счастливей, смешливей и проще...
 Когда б не стучали чумы пострашней топоры
 В душе моей – гарью простреленной солнечной роще....
 И вот на излете пора не улыбчивых слов,
 И вот на пороге – судьба не судьба – так, прохожий...
 И вот ночь стекает с желтеющих хищных клыков
 Угрюмого зверя, чей глаз и луна так похожи.
 Когда б я из тонких серебряных ниток судьбы
 Легко не свивала, у неба подслушав, мелодий.
 Когда б не летала, безмерно устав от ходьбы,
 В лесу междометий от сцен и зарплат, снов, погоды...
 Я странный подарок, послушайте, истинно так.
 Стихов Вам хотелось? Стихий не пришлось бы, простите...
 Собой не дарю. Ни к чему. Суета – маета.
 Уж как-нибудь врозь. Вы у Бога беды не просите.
 А вдруг достучитесь? Услышит, жалея, отдаст
 Мой дом с непутевым чернильным пятном на обоях.
 Меня. Это странное, напрочь забытое «нас»
 А вдруг нас на свете таких, страшно вымолвить, - двое?

Эти стены сносить и привычкою трудно назвать...
 Папиросного замка бессонье – модель бытия...
 Страж порога, кряхтя, поминая такую-то мать,
 тень счастливой, глазастой, смешной, пяти весен – меня
 не пускает. А ей бы от солнечной взвеси пьянеть!
 Рассекая, как воду, еще не проснувшийся мир...
 Где драконий глазок сигареты рассветную медь
 на упрямой скуле твоей искрой шальной освятил...
 год крылатой химеры, в ее вертикальных зрачках
 дымной струйкой сандала – нездешнее древнее знание.
 Поцелуешь в висок, а под ним здравый смысл зачах.
 Для чего он теперь? Сумасшествие – суть узнаванья.
 Дежа вю, славный мой, дежа вю. На губах вереск стар.
 Трех столетий, ста слов, звон часовен – резьба Часослова...
 Кто там снова, вцепившись душой в теплый ясный кристалл,
 Нагадал нас друг в друге, взорвавшихся мукою слова?

Звон. Хрустальные бусины. Капли со стрелок в песок.
 Вот одна – от звенящих прозрачайших копий Вселенной.
 Миг – не больше. И Млечный – с неба стылого яростный сок –
 Путь – над временем нынешним, с губ мелодия – тайной свирелью...

Это горе – не горе. А горечь в степени n
 От полынного привкуса. Эха терпкого мускуса.
 Осознать неслиянность мирра с Миром, как Слово и сленг,
 Я сегодня и та – пяти весен свидетель. Неправильность прикуса...
 Из молочных туманом, где проблеск сознания – боль,
 И в младенческом недо – человечес - ком зверстве начал...
 Так легко вспоминалось: светящейся абрис, покой,
 И еще: мою душу Бог на теплых ладонях качал...
 Больше не было так - без раздела на «я» и «другой»!
 Кожа – воздух – тепло – и чужая вселенная. Стоп.
 Знаешь, здесь кислородом на глубинах сознания – любовь
 Умереть не дает. В нас дрожит отражение... Потоп...

Воздух оплавленной лавой стечет
 На серую спину асфальта.
 Это дыра в галдящем пространстве,
 На дне которого ты.
 Потому что декабрь,
 Сквозь снегопада бело – серо – синюю смальту
 Я – мыслью не обожгла? Стихи – следы...
 От «летать» - нелетальный исход разлук.
 Ночь. Изморозь. Моросит.
 Жизнь в две струны. Шпалы – россыпью спичек –
 Ежели – сверху...
 Ладно бы слово какое, а то мыслью пронзит:
 Не дотянусь ресницами тебе мир остудить.
 Взгляд – телеграммой. В снегопад, т.ч.к. кверху!
 Воздух оплавленной лавой стечет
 На серую спину асфальта.
 Это дыра в галдящем пространстве,
 На дне которого ты.

Потому что декабрь,
Сквозь снегопада бело – серо – синюю смальту
Я – мыслью не обожгла? Стихи – следы...

Бывает...

Бывает... Утром... Глаза не открыв... мысль: «Вот умру, если в стакане цветущая ветка сакуры не возникнет! Клянусь! » (с угрозой в голосе, убедительно, почти медитативно).

- Эк загнула! – лениво и буднично подумал Бог. – Может, тебе еще Пизанскую башню под балконом ?

- Зачем, Господи? – вопрошаю. – Тогда ведь соседи справа рывкнут, что неча всяким падлам тут падать; а соседи слева бельевые веревки протянут, белье сушить, а че, мол, в хозяйстве все сгодится!

Мне бы поскромнее: вечной любви, что ли, к дождливой среде, в 21.00 по местному времени. И чтоб жили долго и счастливо, и умерли в один день!

- Ага, шас! – подумал Бог... и прислал тебя. Воистину пути-то его неисповедимы. А размеров Его чувства юмора мне вообще не осознать. Но мокропогодистость в среду обеспечил! Мелочь, а приятно.

К поговорке уже пострадавших «Молитесь аккуратнее, иногда сбывается!» осталось добавить: «Молитесь точнее, а то как сбудется!»

В результате каждую среду в 21.00 строго над моим домом шлепает, шепелявит и пузырится проливной дождь, изредка выстреливая в небо семизарядной радугой. А жители города потихоньку отстраивают пострадавшие от твоего визита районы, которые чем-то напоминают мне два японских городка после дружественного посещения последних парой американских самолетов с белозубыми боями на борту...

Так и живем...

В глыбе монолога замерзаю, как золотая рыбка в аквариуме. Радужные воздушные пузырьки - вверх! Пока до поверхности доберутся, станут замерзшей песенкой. Вот и ожерелье – куплет, вот стеклярусный браслет – припев. А мелодию одна рыбка-то и знает. Но молчит... Декабрит... Морозит... Одиночит... Глючит... Сухой серый обжигающий снег шуршит. Далекий голос в трубке. Не таю. Ресницы заиндевели. Благожелатели в спину: «Подумаешь, пиранья снулая!» Ангел -

хранитель: «Все! Увольняюсь! Сколько можно...кипятильником работать! Я ангел – или где? Я – хранитель или при чем? И вообще: или – или!»

Я: «Господи, дождусь ли дия-Лога?! Тело – Каин, душа – Авель... О чем им – жертве с палачом? Сумасшедшему золоту октября – и дребезжащей зуммером сдаче коротких декабрьских ночей. О чем им? Господи, дождусь ли? Мерцающий, обладающий со – причастностью подтекст и затертое, дырявое слово, лишенное цветения смысла и аромата сиюминутного открытия истины... Как совместить? Конечное – и ночное, вечное, в соленых брызгах греческих гекзаметров, небо? Меня, потерявшуюся в зеркалах – с тобой, из зеркал так и не вышедшим? »

На грани сна и яви, жизни и смерти – здравствуй, праздник! Твоя реплика!

Черный лед останавливает жизнь,
Вытекающую по янтарной капле
Из синюшной тени
Прозрачной, до прозрачности души.
С прицельно отстреленным –
вот откуда черные дыры
и хлебнувшие желчи дуры –
Не в меру солнечным моим сплетением...
Я Богу:
- Нет!
А Он мне:
- Дыши!
Я Миру:
- Нет!
А он мне – тебя.
В серой радужке – нежности светотени...
На кой Ему, да и тебе все это, скажи?

В угол! Забиться. Бедным зверем.
Не любви! Дажь мне днесь, Отче! Прошу покоя!
Какое там! Мир меня, как грифель,
В карандаше искрошил,
Выводя твоё имя
В комнатке с видом на небо,
С бабочкой на обоях,
И Гамлетом в гриме

Не то Казановы, не то изгоя,
 Что белыми нитками черной тревоги прошит.
 - Здравствуй, праздник!..

Потом начинается жизнь, ломающая перспективу
 Счастливостей будущих зим,
 Несчастностей прошлых спектаклей.
 Я – пришлая! – ветром прошла
 В неженственностях мотивов,
 Из режущих – скерцо! – ресниц,
 В зрачках – затаенность пантаклей.
 Вороний рунический лет...
 Январь сквозняками зализан!
 В субботу зюйд-вест загудит...
 Мой зонт! – и гуд бай, бой не мой!
 Привыкла шататься вверху
 Под шоковый шорох карнизов.
 В кошачьей свободе есть шанс
 Всегда оставаться живой.
 Отстукивай ритм поездной
 С акцентом на первую долю,
 Не «завтра», не в прошлом – «сейчас»,
 Когда под вопросом «потом».
 Ну что же, поэтам – стихи,
 Любимым – любовь, вольным – воля,
 В модели со-небытия
 Мой тихий, вдогонку, канон:
 - Здравствуй, праздник!

В польском имени, скулах татарских,
 Болтовне шевалье из Госкони
 Узнаваем. То гнева брожение,
 То безумная нежность в глазах!
 Ах, мальчишество, так замирать
 В шутовском зубоскальском поклоне,

И терять влажность чьих-то ресниц
В жажде новых восторженных «ах»!

Мне с тобою отпраздновать мир?
Где чума, там и пир – принимаю!
Здравствуй, праздник! Не все ли равно,
Будет завтра рассвет или нет?
Я – обломок замерзшей мечты
В твоём тесном прокуренном рае,
Где растаять – почти умереть
В черном шорохе снов и примет...

У снежинок серебряный тембр...
С голубыми прожилками веки.
И боязнь восклицанием – мой! –
Чью-то жизнь заморозить живьем...
Мой – не мой дорогой человек!
Из единственных, самых на свете,
Я не смею весь мир заслонить,
Я – лишь песенка грустная в нем...

Замирающий тонкий мотив
В перестуке вокзальных сумятиц...
И невнятность прощаний –
Легко. Наспех. Будто бы камень с плеча.
Знаешь, это мое «далеко»
Терпким духом живительной мяты
Пусть излечит. Считай, докричался...
Не отрекся б теперь сгоряча...

Здравствуй, пир мой во время
Вселенской чумы и войны.
Да, ты прав, очень прав...
Слишком прав. Выбирала сама...
Да, нас больше, чем двое
В крезовом карнизовом «мы»...
Потому мое «здравствуй!»
Склюет до травинки зима.
Мушкой в теплый янтарь,

И не теплый январь... Не спеша...
 Все так равно - не- счаст - но. Без веры:
 - Пиши.
 - Приезжай.
 Три еловые ветки,
 Невзрослой обидой дыша,
 Зашуршат шепотком:
 - Уезжай, уезжай. Не мешай...
 На другом берегу,
 В той мансарде, с окошком на мир,
 Что засыпан виной,
 Залит черным вином. Изначален...
 Твой прозрачный двойник,
 Зачитав мою душу до дыр,
 По ночам жадно курит. Не спит.
 Просит крепкого чаю...
 Я готовлю твой чай.
 На игрушечной взрослой войне
 Ты – на выстрел. Не ближе.
 Ты – выстрел. Один. Безответный.
 На другом берегу, в коморке твоей, на окне,
 Моя музыка плачет
 Мертвым солнышком в призрачной клетке...

Прогулка или попытка выхода из туника

Лучший способ вычеркнуть меня из твоего «завтра» - промолчать.
 И вместо восклицательного предложения с глаголом будущего времени
 получается пыльно-фиолетовое, цвета прогорклой воды Стикса,
 беспомощное и повествовательное: «Может быть...»

Не верю сухим бабочкам, коллекционным воспоминаниям, колким
 прожилкам прошлогодних, проглаженных утюгом листьев и целым
 кладбищам изысканных умирающих букетов в галдящих,
 суетливых, базарных некрополях с продувными бестиями- продавщицами с
 вечными глазами греческих сестер-богинь, на родине ткущих нити
 человеческих судеб, а в торговых рядах этого города цинично вяжущих
 носки на продажу... Каковы времена, таковы и нити ...

Не истинно...

Чую кожей.

Серое чудище сумеречного чужого города - в веселенькую оранжевую полоску. Светофоры в ступоре! Оно урчит, как сытно пообедавшая зверюга, глотая слово «навсегда» и превращая миллионы потенциально возможных «будет» в одно дымящееся бензиново-автомобильной плотью вот этой реальности - «есть»...

Размытые блеклой моросью дождика кляксы фонарей – почти тест Роршарха. Что ты в них видишь? Поиграем в бисер, милый? Старик Гессе был прав – это захватывает.

Влажная акварель твоего города. Фешенебельные манекены в клубных пиджаках и ...противогазах! Дизайнер негодяй-с, были пьяны-с! Неадекватны-с!

Глазницы старых зданий – и визжащие в безумной третьей октаве оттенки рекламных щитов...Рождество... Новое тысячелетие.

А то, первое, в рождественской Ялте помнишь? Поворот головы, ветер, соленый гул ночной набережной, свобода – до безумия, до крика, до дикого мгновенного совпадения столетий, тел, глаз, строчек, взглядов, запаха кофе – над головами знакомящих, полужнакомых, случайных прохожих ...это была я – голос, ритм, песня, запах моря...вот так и начиналось...

Опять твой город. Ветер. Кока-кола. Вытянутые лица посленовогодних прохожих. Наглючая черная шляпа и насмешливая щетина – тебе нравится эпатаж, милый?!

Это не та декорация!

Программка дала обидный сбой! Это же должны быть бронзовые от чувства собственного достоинства и прожитых веков фонари *Plas Pigales*, потом витрины *Champs Elisses*, стильные уютные кафешки с галдящими бесцеремонными (грассирующее «р») французами! Лукавые полуулыбки парижских м-м-мадам с высокими скулами, упрямым узким подбородком, насмешливыми искрящимися глазами с прищуром и независимыми, какими-то мальчишескими каштановыми стрижками..

Я – оттуда. А здесь – случайно. Ну, вышло так – ангел промахнулся, тоже мне, снайпер нашелся...

Зато достался мне гортанный голос с врожденной способностью к напевам парижских шансонье клошарно - богемного вида – наперекор ангине, обстоятельствам, нелюбовям, быту, одиночествам, счастьем и несчастьям, иногда себе...

Это – на память о потенциальном параллельном одномиллионном «не сбылось»...

И ты, вальяжный и насмешливый, не доучив в Сорбонне курс «Европейская классическая традиция в поэзии раннего Рильке» и, не получив зачет, апофигистически насвистывая, перескакиваешь со ступеньки на

ступеньку. Перескакиваешь, упоительно и вдохновенно запихиваясь «буше». Ох уж мне эти нравы Латинского квартала! «Привычка свыше нам дана...» - проносится в твоём загруженном амбициями и барышнями мозгу цитатка из какого-то «солнца русской поэзии» с явно эфиопскими кудрями и темпераментом (курс славистики – тоже не «зачт.») Ешь «буше», милый, иронизирую от безысходности.

Чёрная наглухая шляпа. Безалаберный шарф, мексиканская – вверх и наискось – бровь! Где-то это уже было. А, дежа вю – сбой в программке, как же, помню.

Какая разница – где, когда?

Но в той реальности было, слышишь, было восклицательное предложение с глаголом будущего времени без пепельно-фиолетового, под цвет воды Стикса «может быть»...

Как жаль, милый, что ты напрочь забыл французский...

Oui, c'est la vie, mon garçon! Mais je dis obstinément, je répète et répète: je t'aime, mon Petit Prince. C'est tellement incroyablement difficile, c'est si magnifique et si désespéré ...

Серебряный мой!
Зима
С отрешённым лицом
К тебе сквозь пространство
Протянет руки.
Зима
Белым жгучим кольцом...
Воспалённые веки.
Льдистый вкус у разлуки.
Таинство тающей светлой слезой
Лёгкой снежинки на жестких ладонях...
Что ж ты, душа, слюдяной стрекозой
Ринулась в это больное бездомье...
Серебряный мой!

С моим светлым лицом
К тебе сквозь пространство
Протянет строки...
Зима,

Как и я канет в сон...
 Взлетит тусклым облаком,
 Хворой ласточкой.
 Снежинка свернется в точку.
 Серебряный мой!
 Зима.

Не тащащий сабою ближних...

Быть. Глухо. Негативом звука. Это проще, чем поздороваться с помятым в житейских бурях, заспанным воробьем. В 5 утра! И не удивиться, когда он сумрачно буркнет в ответ: отстань, спать хочу! Счастливцев, ему спится!...

И понять, что сошла с ума, потому что не пробить лбом плотный черный воздух в точке пересечения двух пространств.

Угол. Тупик. Конечная остановка. Приплыли. Остров погибших кораблей. Особенно, если оба – класса «фата моргана».

Легко любить святых.

Или ночной дождь.

Или книги с запахом вечности.

Или фиолетовые крокусы в душном чужом уюте.

Или эскимо в январе.

Никакого риска – одно блаженство.

Легко любить легко. Так, батерфляисто, порхающее... С улыбкой усталой, едва уловимой – уголком орифлеймовски заманчивого рта.

На отмели. Без напряжения. Итак, сумочку – вправо! Сомнения – влево!

Оркестр – музыку, софиты сверху, суфлеры-инстинкты снизу! Королева будет солировать. Героя в кадр! Да причесать его быстренько, организовать интересную рефлектирующую небритость, интригующую окружающих!

Взгляд умный. И ни слова – зачем ему портить имидж! Фоновый хриплый блюзик. Камера! Шпильки из крокодиловой кожи не сниму! Они бешеной зелени стоят!

Массовка пошла! Ох и пошла эта массовка! Да, ладно, королеву делает окружение! Восхищенные «ах!» - справа. Неудобные, опальные бои – слева. Последние – с ностальгически сдержанными вздохами и – Боже, какими - стихами! Тушь не потекла? Софиты, знаете ли, жарковато. Любите меня, любите! Камера, стоп! Господа, снято! На полку! Следующий...

Чем-то напоминает очередь к стоматологу.

Легко любить легко.

Помечтать, что ли?

Зажмуриться, прямо до звездочек в глазах.

Ну! Батерфляисто! Сумочку – вправо! Героя в кадр! Следующий! Не мечтается.

Характерец мешает.

«Что ж тебя тянет на Мариинские впадины, экстремалка чертова!?

Треугольники ей бермудские подавай, а то жить ей, видите ли, скучно!»- это благим матом душа.

А ну-ка цыц, пернатая, и без тебя тошно. А с тобой еще хуже...

Пачка писем растет.

Луна убывает.

Пишу.

Стихи, разговоры по телефону, болтовню с друзьями – жизнь пишу.

Письма? Уже нет, в уме разве что. Складирую. Они слишком напоминают строчку в корабельном журнале «SOS!»

Не отягощай собой других. Это из Библии.

5 утра. Кофейная гуща пахнет счастьем.

Не отягощаю, милый.

Подумаешь, почти греческая трагедия, блин! Хор где? Я-то вот – барышня на перекрестке, лети, душа, на все четыре стороны, раз любимому не нужна! Развоплотиться!

Ветер! Ветрище. А говорят, четвертование отменили. Врут безбожно! Это действительно больно.

Развоплощаюсь. Девочки, а на Лысую гору – слабо?

Шиза, однако. Как там, в мультике : земля, прощай! Ступа какая-то дубовая...

Обживаю тупик. Цветочный горшок, тетрадка со стихами, любимая фенька. Живая – кожа и дерево. Хоть она живая.

Чужую пачку сигарет – в форточку. На правую стенку – морской пейзажик, на левую – тени тех, в деревянных рамках, цветные картинки с моими счастливыми лицами. А в точке пересечения – негатив хрустального звука. Черный негатив.

Мама бы сказала : зато не скучно.

Легко любить святых.

Легко любить легко.

Пардоньте, ну, далеко мне еще...

Авантюризма многовато. И манек. Невеличия. Прости, любимый.

Здравствуй! Да не ты. Ты уже по совиной привычке в 5 утра спишь. Это я воробью. Чтоб не выть.

Утро.

Прага

Тобою наполняется случайность
Со взглядом близоруким, затаенным,
Чьим именем – одним из зимних, горьких
Вдруг прозвенит январь, как колокольчик.
А я? Я наполняюсь гулким смыслом,
Не беглым – белым. Так размашист почерк.
Небесный клерк – не выпавшийся ангел
Мне подписал дорожную так криво...
Заслушался. Неторопливы строчки.
Я отрекусь от суеты почтовой.
Приснюсь. Случайно. Вся-то жизнь в две строчки...
От «Здравствуй, праздник!» -
До «Всех благ. Ты выбрал...»

Фарс в ре – мажоре для троих
 Сыграй. Я подпою.
 Нас тут как – будто не чужих –
 Немного. На краю
 Души, продутой сквозняком,
 Уже не жаль отдать.
 Как воздух ломкий за окном,
 Как мир, текущий вспять.
 Как не разбавленный дождем
 Оранжевый апрель.
 Как безраздельную тоску,
 Которой помнит зверь.
 Как горсть рябины – птичий гай! –
 В преддверии зимы
 Как и себя, перетекающую
 тихо в «мы»
 Уже не жаль. Мотивчик прост –
 Над злом, добром, судьбой
 Фарс в ре – мажоре для троих,
 Проигранный тобой.

2000г

Февральская песенка

Женщинам ближе луна.
 Значит лунный ожог, а не солнечный –
 Свет ли? Смех?
 Больно?
 Уткнись- ка в стекло. Где покой мой
 легко поджег враль – февраль.
 Мудрые горькие «нет!» -
 вот и все мое воинство.
 Плач сквозь снег.
 В зеркало гляну, -
 в зрачках – Новый год...
 Ветка вербы... горит календарь.
 Я долистаю его
 до соленой мелодии
 серых глаз.

Лучше б им тихо спалось,
 А тут – нараспашку,
 без страха, в суть.
 Эту страничку поджечь
 я пыталась,
 не помню уж сколько раз,
 Стуком колес заглушить,
 километрами
 зачеркнуть, оттолкнуть!
 Там из чугунного серого кружева
 кружатся
 ночь, мосты...
 Там замерзают
 черные кони.
 Измученный бег застыл...
 Там нежный слепок
 снежной Венеции – спит зима,
 город спит...
 Там в ржавый сумрак с подсветкою
 воткнут шпиль
 в снежную стынью.
 Там черный ангел над улицей –
 скорбный лоб.
 Ликом – вверх!
 Там мой надтреснутый –
 вот так кольчуга! –
 со всхлипом смех!
 Там это женщина:
 скомканный воздух!
 И вся – дрожащий нерв!
 Я пожалела ее -
 роль знакома-,
 сбежала в снег...

Рецептик новой песни

С веткой черемухи поделится глотком воды,
 Приручить дикарку – весну, поселить недоверу в банке,
 На окне – домовому в подарок.
 Вот и богиня мирка своего.

В кресле клубочком и носом в книжку.
 Какой бы ангел посуду вымыл – расцеловала б!
 Тикают ходики и коготочком
 Время всю позолоту счистит
 С этих...И тех...

Откарнавалилось.

Отрасстоянилось.

Отнасторожилось.

Отнастроенилось.

Ночь. У богини мигрень. Это все снегопад,
 И предельная трезвость взгляда
 На отдаленный – как там, в анти – Вселенной? –
 Голос в простуженной трубке.
 А когда – то хотелось
 Вшептывать жизнь в губы твои,
 Вздохом сплавлять прорехи пространства,
 Добиваясь Гармонии. Но не учла:
 Хаос – осколком во мне. На то я
 и женщина.

Итак: анальгин

+ Вивальди

+ отключить телефон

+ шоколадка

+ на завтрак и Бродского томик в трамвае,

+ ...мало ли что – равно

Счастье, пожалуй, вряд ли ...

А новая песенка – точно!

2000г.

Мастер, склей эту чашку с темно-синим прихотливым узором по ободку!

- Нету такого клея, милая, кроме синьки густой небесной.

Да где ж тебе дотянуться, чтоб зачерпнуть неба в ладонь?

-Мастер, склей мою душу с белым звоном рассветной мелодии по ободку!

-Нету такого звона, милая, кроме венчального, что беспечально

Ты подарила другой. А любимый остался бродягой.

-Мастер, склей его сердце с пыльной ложью мытаря горького по ободку!

-Капля прощения, капля забвения. Неба глоток. Соли щепотка. Клей твой готов.

Только б бродяга выжил. Горчит злое лекарство...

-Мастер, склей мое небо. Мастер, склей мою душу! Мастер, склей мое сердце!

...Луна на ущербе. Щеку уколов о тростник, пьет мелодию этой ночи...

2000г.

Маргарита

Вот и зеркало. Два предрассветных тумана – глаза.

На ладони – такие же линии, как на твоей.

Я впервые, самой удивительно, надо же, - за...

Я люблю в тебе вечность. Она так разнится с моей.

Не истлеет роман. Будут найдены наши пропажи,

На жемчужнейшем облаке – светлый домик.

С камином. В плюще.

Запах солнца и хвои. Ты. И рукопись с пятнышком сажу.

Я – в чужом (вензель«V») ветхом чёрном дырявом плаще.

Будут времени – пригоршни. И сравниваются наши Часы.

Рассажу гиацинты, хмель, фиалки, лимон, цикламен...

Разговаривать строчками! Эти взгляды бросать на Весы,

Вышивая на бархате лунным бисером литеру «М»...

Канделябры и воск. Моцарт. Строгий и тёмный камзол.

Так устали глаза? Тени мягкой вечерней зари...

Я спою этот Мир для тебя, «потому, как не зол»,

А звезда прочирикает:

- Маргарита!

Марго!

Маргари...»

2000 г.

Итака

Ни восходов ясных, ни закатов, ни ночей.
 Вечно ты – хоть чья-то радость, а внутри - ничей.
 Соскользнет водою с кожи время. В капле - жизнь.
 Удержись, душа, по лучику скользя, удержись!
 Море- ослепительно-синим «до». Это дом.
 Горе! Вам с Олимпа виднее, боги, но он не про то.
 Отполированный ослепительно-черной тоской
 Профиль. На монету б такой- беглец? герой? моряк?
 Сердце заживо разъедено солью морской...
 Все так... Да не так, как хотелось ему – человеку с Итаки.

Боги, что вам стоило забыть? Чайкой!
 Да хоть тенью чайки, тенью тени – отпустить
 В землю, где надтреснутою амфорой ночь гудит.
 Солнце детства скулы, губы, душу берedit...

Ну хоть бы раз нити судеб спутали, сны и знаки.
 Не забудут. Так не люди- ранг не велит, боги все-таки...
 Все так. Но как этим дышать ему- человеку с Итаки...
 Так на камне лишь луна проклюнет скорлупку свода- душа?
 Да, душа! Опечаткой неба, отпечатком вздоха.
 Каждый день! Боги, как вынести каждый день?!
 Это он, у которого все так... да не так, как хотелось ему,
 Тому бродяге с Итаки...

2000г.

Чланке

Привет тебе из пятого угла
Сопливой и туманной части года.
Дождливый возраст. Странна и смугла
Души моей нелетная погода.
Отечество крикливое мое
От смут базарных и грызни померкло.
Победных звезд никчемное литье –
Залп по нутру. Наотмашь. Высшей мерой.
А этих странных, в чьих глазах - Потоп
Издревле плещущегося в Пространстве Слова
Здесь – много, если двое, трое - кто
Пророка видел в пекле города родного?
Устало бисер сяду разбирать:
Строка к строке, добро к добру придется...
Один изрек: не следует метать...
Не буду. На потом. Кому? Найдется...

2000-2001г.

ЛИЛИТ

Цикл

Паузами? – блажь? Стон? Стынь? – расскажу...
 Дело многих – дно в камнях под словами.
 Телу твоему – души миражу
 Шепотком, цветком, шуршащими снами.
 С нами? Теми? Тени... скомкай, сомни...
 Несомненно – все сожги. Все – до часа!
 В жар! – вина, вины, июля плесни:
 Не при счастье. Не при ком. Не – при – частен.
 Отстранен (ты: смысл где? я: смысл – дарить!!)
 от беды. И побежден – победивший.
 Без беды не жить. С бедою не жить.
 Лето. Утро. Белый пес. Чай остывший.
 Победивший? Без беды беден. Бывший...
 У семи побед дитятей без глаза.
 Бойся – не клянящих. Бойся – простивших,
 К ним судьба привяжет сном, вздохом, фразой.
 Паузами - вздох? Стон? Сон? - расскажу...
 Без двойного дна – в камнях – под словами.
 Телу? Без толку... душе? Миражу?
 Ей понятней то, что было бы с нами,
 Если б не...

Все твои остальные – после.
 Это я (имя – метка?) – до.
 Перемытые ноют кости.
 Трудно свету. Ев такой коридор.
 Это я – от и над, и - в строчке!
 Упаси Господь проклиная.
 Воздух – даже когда не хочет –
 Вездесущ. Суть твоя? – убежать.
 Повезет – улетать. Змеем сманит
 Над землей чей – то вздох: „Люблю”.
 Ев – толпа. На твой век достанет
 Сладких, чьих – то, чужих краях.

Край мой где? Под пятою – небо.
 От и над – и в строчки – живу.
 От - не ад. Над – не вместишь. А небыль?
 Чур тебя! Как отраву в траву...
 Брось.

Не стрела – кол в сердце. Раз-лу-ка.
 Лукавое? От лукавства луковое
 Горе мое. Гарь после пожарищ. Разруха.
 Лучины лихой не сыщешь – ни дома, ни дыма.
 Все мимо. Покой ... На кой? Не мой,
 да и сам не свой. Одни личины. С чего – такой?
 Уселся бес на пороге души. Кышни лукавого.
 А нет – хоть кровью клятвы пиши –
 Чернеют... Меньше малого серебра любви
 В жизни твоей. Пусты гроши, пусты речи,
 Лживы слова. Поникшие плечи.
 О – бес – человечен. Белым флагом зимы маши...
 Небо кроши серой горбушкой,
 Снегом белым истай без следа.
 Слеза – вода, слова – вода, судьба – вода!
 Душа на мушке. Выстрелом - мое „прощай”.
 (Вдохни этот вакуум) –
 На – всег – да.

Позолоти мне крылышко, звонарь!
 Не откупись чеканною монеткой...
 Тебя за это, может, пустят в Рай.
 Талан с талантом не разменивают редко...

А, разменяв, тоскуют над листвой
 Иудинова деревца - осины,
 Чьи золотые сыплет вразнобой
 На сдачу осень! Что ж ты плачешь некрасиво?

Позолоти мне крылышко, звонарь,
 Остатками своей дырявой воли.
 Твой явно сумасшедший календарь
 Вспять дни листает так, что пальцам больно!

Цыганкам будешь ручку золотить
 Той мелочью, что за душой осталась,
 Пытаясь музыкой, как пластырем, закрыть
 Всю пустоту, что мной именовалась...

И ангел пухлощёкий там, вверху,
 В подзорную трубу взглянув небрежно,
 Пусть пожалеет... я так больше не могу,
 И пусть простит. Я не смогу, как прежде.

По золотому пёрышку - пишу! -
 Меня узнаешь, и вздохнёшь бессильно,
 С больных колоколов своей души
 Сдирая листик злого деревца - осины...

Глазу – цвет.
 Уху – звук.
 Сердцу – свет.
 Двери – стук.
 Я – душе.
 Полю – бой.
 Волку – вой.
 Слепо –
 глухо –
 не мой.
 Уже.

Что ж, мой блефующий божок в табачном смоге строк!
 Переселись на потолок, забейся в уголок.
 Не снизойду с земли, с травы, с беззлобности моей
 До будней, где пути кривы, а в людях - нет людей.
 Не снизойду. Не столь любим, чтоб стать моим врагом.
 Себя наврал, горстями крал рассвет в доме чужом,
 Куски дымящейся любви, строки, судьбы, души...
 Себя бездарно раскрошив, хоть кем-нибудь дыши.
 Не мной. Прости, не подаю блефующим божкам –
 Руки, любви, стихов, краях их снам, грешкам, стишкам.

Так мерно капает вода.
Не тянет открывать америк.
Так жизнь несется в никуда,
Сдувая шелуху истерик.
Так телефонный шнур кольцом
Мышь – время – сгрызло. Многоточье.
И в проволоке проволочек
В морщинах будничных лицо
Мое... Пусть канет в зеркала
Витрин и окон. Снов и бредней.
Июнь. Зеленый привкус меди –
Нет золота, одна зола...
Луна монеткой неразменной
орел ли, решка? Нечет – чет?
Ты наискось (попутал черт?!)
Взорвешься в чьей – нибудь вселенной!
Что после капала вода
На пятна белые Америк.
Чтоб жизнь летела в никуда,
Сдувая шелуху истерик.
Чтоб ни о чем не сожалеть,
Над крышами легко зависнув.
В прожилках света – лица, мысли
Переплетать. Любить. Неметь.

Чужой до: «Здравствуй! Может, чаю? Рада».
Ни атома, ни тени, ни мотива -
В моей другим заполненной вселенной...
Взгляд исподлобья – новыми глазами.

Какие трещинки (фарфор китайский звонкий)
ты пропустил на этой вазе синей
в нездешних птицах, ветках и цветах?
халатик шелковый Эпохи перемен.
В нем антимир – до искры на ладони,
До взгляда – мимо, сквозь, не насквозь, вскользь,
до: «Здравствуй! Может, чаю? Рада».

2001-2002г.

Модель не потребного тебе будущего

По образу и подобию своему – кто воздает, кто создает, кто предает...
 Я напишу всего три строчки.
 По образу и подобию моему: я дарю тебе посвист ветра в легчайших
 надкрыльях – ты волен!
 Я дарю тебе придорожный оникс – от него три тропинки...
 Я дарю тебе отражение зеркал, там шепчут губы синкопы,
 И сдувают вишневое счастье рассветного воздуха мая...
 Неча на зеркало пенять, милый, коли рожа крива...
 Это не я, это «Юности честное зеркало». Петр I, между прочим,
 Можешь послать претензии автору!
 Люблю. Целую.
 Котлеты на печке. Ницше под телефоном. Я в медитации. Кофе в зернах.
 Воздух в форточке. Ты...попал! До вечера!...

2001г.

В квартире не хватает беспорядка,
 Сверчка, камина, нежности, зимы,
 И в старом зеркале изысканных нарядов,
 И – боже, как отвыкла! – слова «мы»...
 И трепета от легкости шагов,
 Дразнящего тепла чужой ладони,
 Что осветила б семь моих кругов
 Предвосхищеньем радости и дома...
 Ну что ж, хотя б как гость, на огонек,
 На дольше загадать – себе на горе...
 Уже истлел надежды стебелек
 На праздничный итог моих любовей.
 Ночь разговоров сердце искрошит.
 Я улыбнусь, Бог даст на это силу.
 Здесь так немного света для души.
 Щепоть прибавилась – вот и на том спасибо...

2001г.

Я позабыла напрочь, как это – ожидать,
 Как это – нюхать цвет липы и нервно заваривать чай.
 Пульсировать болью в такт остро колющим нотам
 Или словам – таким, что уж лучше б немой был не мой!
 Я уже позабыла вовсе. Не стоит глядеть исподлобья,
 Прикрывшись ресниц сухим покаянным взмахом.
 Тут не то чтобы антимир, ненависть – слишком сильно,
 Все проще: кромка берега и горизонт – не слияны...

2001г

Вот скрипит колесо, театральный роман –
 Нет смешней и печальней, право...
 Дело даже не в том, что напившийся вдрызг
 Гамлет прочно залег в канаве.
 Он философ, ему до небритой щеки
 Растрепавшегося газона
 Доползти и забыть
 День, столетье, страну,
 И себя, раз не гвоздь сезона...
 Раз не вышло на первых ролях, а пришлось
 Дебютантиком, губошлепом.
 Вместо скрипок – дурацкая полька вразнос,
 В два прихлопа и три притопа!
 Вместо вин драгоценных янтарной лозы –
 Бормотушное гуляй-поле...
 Ах, Офелия, право, не стоит слезы
 И цветов твоих его воля...
 Бедный Гамлет – сказал бы, звеня колпаком,
 Бедный Йорик, пройдет и это.
 Жизнь за жизнью бредет. И грешок за грешком
 Бьет вопросами без ответа.
 Надоевший сценарий – в дырявый карман,
 И на сцену, в партере полно народу!

За душой ни шиша, ни гроша...
 А под сердцем - солнцем - сквозное скерцо.
 Сердце захлопнуть – пропало пиши
 Для детей, собак, дождей, друзей –
 Стальной дверцей.
 В городе, где жили мы, но - другие,
 Мой серпентарий родной, житейский...
 Теплый ноябрь окунет в ностальгию -
 В омут вязкой воды летейской...
 На тебе, сюжетик, напишешь, милая,
 Дяде Достоевскому бы – на роман, не меньше...
 ты-то где-то хомо, сапиенс ли я?
 Не буди ни лихо, ни поэта - в женщине.

2001г.

Ночная, почти кошачья

Грациозен и сер твой худющий домашний божок.
 Дон-жуанист - в хозяина, так же уютно мурлычет.
 А хозяин дымит сигаретой, рисует стишок,
 И заботу на шею себе безответственно кличет.

У заботы той волосы пахнут весенним дождем,
 Их медовый оттенок поэта покоя лишает,
 Почему-то живется ей вольным стрижом не при ком,
 Моим голосом тихо забота ему подпевает...

Ей не хочется счастья украдкой да из-под полы,
 У заботы забот без него, очевидно, хватает,
 Недоверчиво смотрит, ресницы от снега мокры.
 А она ведь поет, да вдобавок еще и летает!

Кот глядит понимающе: что, мол, тут брат говорить...
 Там внизу замаячит непроснувшийся первый прохожий.
 А хозяин впотьмах будет долго и жадно курить,
 Побоявшись причину бессонницы строчкой встревожить...

2002Г

11 октября 2002г.

Omuz

Из паутины октября в белесом вымытом пространстве
Сплетаются, собой даря, дыша тоской непостоянств,
Все истины земных земней: зима, сиротский сирый холод.
При жизни – мимо, хоть и дорог. Посмертно- навсегда во мне.

2002Г

Мой второй стихотворный –
 небесная темень, - язык
в безъязыких пространствах
людей, не читающих сердцем.
Вид на жительство – слово.
Не меняю на личико лик,
Вид на жизнь - из окна.
Вровень с облаком.
Сердце без дверцы.

2002Г

Калыбелънаа ырооджыныу

Это вот, маленький мой, посмотри-ка направо,- ворона!
Серый клубок у ноябрьского цвета газона причалит.
Это вот - солнце. А это вот я - воронкой
В чёрном зрачке нездешней для этого мира печали.

Льготы по возрасту - цельность, отказ от обломков,
 Темок - на день, простенков меж душами, мелких деталей.
 Соль этой жизни - светящийся контур ребёнка

Здесь надо мной, в полуметре, как шарик воздушный взмывает.

Шествуем в сонном тумане глухих закоулков
Времени, судеб, миров, куда ангелы не залетают...
Это вот, маленький, скорчившийся переулок...
Здесь не дарившая жизнь тебе женщина весны листает.

С рыжей бродяжкой дворняжской породы гуляет,
Вслух, нараспев декламирует странные строки:
- Это вот, маленький, видишь, модель анти-рая!
В нём так безбожно, безлюдно, и даже в любви - одиноко!

Больше иных нет желаний, реальность без глянца,
Встретиться б, маленький, может быть тут, может, где ещё,
Лишь бы мой контур светящийся бледными пальцами
Сердце твоё согревал, иной истины не ища!

2003г

Наташе Бабай

В пустоте. Ибо где еще есть нам пристанище?
Царствие ищем...
Нет, не в адище – душной квартире,
полусонном жилище.
Как же странно в любимые выпасть
Из списка лишних...
Мы – ответам вопросы. И ответы нездешни.
От вышних.
В этом страшно замшелом „здесь”
без дуращинки шалой „авось”
все сбылось? Все до медной монетки сбылось?
Только солнце апельсинами в сетках
прохожие носят.
Так рассыпалось бедное, что и „нет” с „таки да” сбилось...
Вечер. Мы. Без горечи восемь.
Без четверти вечность. Не врозь.
А надолго ли так? Кто ответит. И кто – в ответе?
В пустоте. Мы ее постояльцы, души певчие, светлые дети.

Без заштопанных „жаль!“ на локтях
И к небу дождливому просьба!

2003г

Ире и Натане

Царствие Небесное вам, девочки!

Ну даст Бог, черт возьми, будет так:погуляем по крышам!
Мне давно все карнизы бродвейно, зазывно сияют.
Ах, какой оживляжик, но тех, кто слушаю, слышит,
Даже тут – днем с огнем...в небе дыры чернильно сияют.
Уж не знаю, что с парками: мои нити в узлах, все так сложно,
Тесно здесь, на Земле, двое вас, где не просят-где спросят!
Я найду вас потом, но сейчас скучаю безбожно.
Вам медово в траве. Ее ангелы изредка косят...
Там альтанка белеет в саду, там узорчаты тени.
Скатерть, чай, резеда, и стрекозы прозрачны шелка!
Там с земли до ворот- все ступени, ступени, ступени.
Вы вдвоем за столом. Рядом стулья пустуют ...пока.
Ах, как будет нам петься- как тут не любилось! Летально!
Как пахучее сено амброзией яростно дышит!
Вы дожидесь меня, мне вас очень внизу не хватает
Среди тех, кто не слышит, не слышит, не слышит...

2003г.

Н. Еременко (Бабай)

Всегда любила соль: в кристалле, звуке, слове,
 В дороге – посолонь, по солнцу, в правде правд.
 Жизнь чтит соленый вкус у пота, слез и крови.
 Соль изначально в нас, как и любое пра...
 Праматерь, пранебес прасвет победно льющий
 В наш человеческий вой – пралес, где всяк не прав.
 И лишь младенца плач, землей не отдающий,
 Несолон. Он пока – вне, выше, сверху, над.
 Над! – там земные сны, но - не в гордиев узел...
 Не вхлест, не в смерть, не в пыль, - струящимся лучом!
 Всегда любила соль – жизнь, море, желтых бусин
 Янтарный Солнцев сок. И слезы ни о чем...
 О том, что тесен мир в грудной чугунной клетке,
 Что каждое «люблю» - не так, не с тем, не то!
 О том, как ангел спит, зависнувший над веткой,
 А рассказать о том – не верит мне никто...
 О том, что плачет стих – несолоно, ребенком,
 Идя от зряшных слов – по солнцу, посолонь...
 Соленым соло жизнь - крылатым жеребенком
 дурачится в траве. Запрятав смерть в ладонь...

2003г

Ты шагнул в «мнебезтебяпроще»,
 Я уйду в «ятебянепомню».
 Наш птенец – оборванец тощий
 Не клюет жизнь с чужих ладоней.
 Улетит он в дальний южный город,
 Где найдет наш недолюбыш стаю.
 Люди в джунглях улиц тихо бродят,
 А над садом недолюбыши летают.
 Каркнет он во недолюбышево горло,
 Вдруг услышим: ты ли, я - не важно,
 Как ему среди райских фиников привольно,
 Но скучает, как и недолюбыш каждый.
 Ты в стране «ятебянепомню»,

Я в стране «мнебезтебяпроще».
Осень, город, ночь. Пусты ладони.
Снится редко Божьих пташек тех роща.

2003г.

Мне, чуждавшейся ценников, ярлыков, конфетти,
Мне в стихах проявляющей световсплески стихий,
Мне, лечившей испарину всех горячек – страстей
Детской правдой ромашковой, безыскусностью дней.
Мне, презревшей ничтожный вес бутафорских корон,
Мне, прозревшей под рев небес не одних похорон,
Мне, читающей по зрачку, чем хворает душа,
Мне, не тающей в пекле слов, не таящей гроша,
Мне, избытком – не нищенством –
Усложняющей жизнь, - что ты можешь пожаловать
Не с плеча, так с души?

2003г.

Анти-таксидермистская

Больное веко приоткрыв, суббота вскинет взглядом мглистым...
Вот хаос в кухне, двое крыл - аж две мечты таксидермиста...
Я ними обметала пыль, пером подушки набивала.
Потом, уняв хозяйский пыл, кормила бритого нахала...
Любовь-то зла, козлы добрей: штурмуют чьи-то огороды!
А мы с тобою, муза, впредь не станем жертвовать свободой.
Почистим пыльную корону, расправим крылья - не вопрос!
Таксидермисту- дядьке злему - мы гневно сунем кукиш в нос!
И будет жизнь, и будет праздник. В прихожей чучело из фавна.
И станут песенки кропаться змеиным языком ля фама.

2003г.

Танго Остапа Бендера

Рыдмля рыдая над письмом,
 И утерев слезу под носом,
 Я чувствую себя мимозом,
 Нарциссом, мартовским котом!
 О, моя бэби! Файф-о-клок-
 Абсент, крэветки, враки, раки...
 Пусть этот мир ко мне жесток,
 Я сущий ангел в лапсердаке!
 Но публика! - что ей мечты,
 Где светский раут, знойный мачо?
 Вот сало – это, паньство, смачно,
 А лоск богемный – так, понты!
 Не зарастет травой тропа,
 Где мы с Пегасом в променаде.
 Пардоньте, муза, бога ради,
 Я лучший муз, n'est pa, n'est pa?
 И расфуфырист, как газон,
 Небрит, нестрижен, не опрыскан,
 Я, наплевав на все резоны,
 Уйду с моноклем по-английски...
 Ах, вы, сударыня, правы,
 Гламурно спрыгнув с нашей темы...
 Фонарь, аптека, ночь. Увы –
 Лишь пиво, вобла, хризантемы...

2003г.

Блюз какой-то не героический

Герой - со счета не сбился? - эх, не моего романа...
 Зачем тебе горе такое, кивающее невпопад?
 Спагетти на уши? Поздно. Мудра.

В подружки – жилетки – рано.
 Чистой воды нирвана:
 Взгляд не в тебя, а - сквозь,
 Смех не с тобой, а - над...
 Мимикрирую – это защита, наверно, -
 Под рыжую бестию-осень!
 Так привычно лопатками мел ощущать
 Бесконечного круга мишени.
 И не лечат уже поездные гудки
 от не принятых вслух решений.
 Это ветер обрывки суток, меня,
 Песен, имен уносит...
 Я не знаю еще, что было завтра,
 Не помню, что было до,
 Лишь «сейчас» зависло немым сталактитом
 В чашке, где стынет чай...
 Приручаю ничейность, кормлю судьбу,
 Крошки песен стряхнув с пальто,
 В банке из-под немецкого пива
 Бабочкам жить не пристало – прощай!
 Мимикрирую – это защита, наверно, -
 Под рыжую бестию-осень!
 Так привычно лопатками мел ощущать
 Бесконечного круга мишени.
 И не лечат уже поездные гудки
 От не принятых вслух решений.
 Это ветер обрывки суток, меня,
 Песен, имен уносит...

2003г.

Танго

Здесь клином склинился, увы, небелый свет,
 одна палата №6, я в ней! Привет!
 Среди сограждан в этом городе, где конь
 пиарит Клима – полководца!
 Муз упорхнул – ну что ж, сто бед – один омлет,
 Опять палата №6. Ты в ней? Привет!
 Кто ж из друзей эпохи перемен

Мне пожелал! Видать, китаец!

Где дикий ангел с уцененною трубой,
Где суп с куриною синюшною ногой,
Где хулиган – кондуктор, ухмыляя пасть,
Сожрет билетик мой счастливый!
(наглец и люмпен!)

Где рыжий кот по Бегемотьи молчалив,
Трагично фыркает под краденый мотив,
Я в этом городе – не в лад, не в тон, не в масть!
Буденовкой на ухе у коня!

Кондуктор! Нажми на тормоза –
Трамваю фейс подпортишь
В небритой морде пьяная слеза
В щетине путь свой разгребает!
И так обвал: то кризис, то креза
В стране счастливых нищих!
Кондуктор! Разулыбь беззубый рот
Укором пасте «Бленд – а - мед»!

2003г.

Вечность обиделась, фыркнула, шаркнула и ушла.
Остался быт, слово «пошло» и состояние – тоскливо.
Когда ждешь праздников, как в детстве буку из тьмы угла,
Мужикам оно проще: они эту буку – декалитрами пива!
Зальет эта бука мутные рыбы зрачки,
Забудет на вечер, что имя ей – анти - счастье...
И песни орут обезболенные мужики,
Потерявшись на время в спасительной непричастности!
А тут по женской привычке обогреть, пожалеть, приручить,
Покормив эту буку пирожным в случайной кофушке,
Понимаю до донышка: с ней, болезной, придется жить,
Улыбаться легко, и не верить дурындам - кукушкам!

2003г.

Затмение сердца

Не выметать окурки стертых слов.
На кухоньке полночной свет оконный.
Я не умею жить тебе назло,
Пугая ангелов, обсевших подоконник.

Мы видим их: нездешний крой одежд,
Но ты все ищешь кляксы в оперенье,
А я кормлю их крошками надежд,
Врачуя сердца бессердечные затмения.

Украдкой не крестить твоей спины,
Дыша душе в затылок обреченно.
Ты – на войне, а я давно с войны
Письмом к тебе. Чужим и непрочтенным!

Тебе тебя, себе себя верну,
Вчерашний мир дождем бесследно смоем...
Я твое имя в мое «завтра» не возьму,
Я просто дверь тебе (не хмурься...) не открою.

2003г.

Осень. Листик с прожилками...

Жил бы да жил. Но не вышло.

Живой был – а значит и тленный.

В нас совсем ненадолго запрятана жизнь.

А сквозь будни на свет, как сквозь темные вены

засияет. Да нет, не сияние глаз,

не пустышкой- нам, временным, пришлым, надежда,

не словесный убогий и ржавый каркас,

несказанному тесно в звучащих одеждах!
 Не земное, сквозящее болью - «люблю»,
 Не горячее вслед уходящим - «всегда»,
 Не вино старой дружбы: не скиснет – прольют!
 Не весенняя тяга к ночным поездам...
 Нет, не вкрадчивый шепот слепого дождя.
 Просто запах проточной воды у напева.
 Ты поймешь это вдруг, над землею взойдя,
 Молча так, сверху, над...да – и чуточку слева.
 Этот луч невесомый во тьму пролился.
 Он над всеми над нами – тонок и благовестен...
 Там на Божьих вселенских карманных часах
 Твою смерть, и печаль, и строку перевесит.

2003г.

Я сочиняю будущий цветок.
 Вот корешки – младенческие зубки
 В земле, как в колыбели, теплой зыбке,
 В зеленом тельце жизни мощный ток.
 Вдохну его лепечущее «ох!»
 В зеленом сердце – родственное чудо.
 Все есть поэзия. Мой мир течет оттуда.
 Вот первый шаг для всех иных дорог.
 Я сочиняю будущий цветок,
 кормлю мужчину, призываю лето.
 Все рифмы канут в сырость серой Леты,
 Миг жизни - этот - вспышка! – даст росток.
 Вот тем и строится – струится мир из тьмы,
 Прочь правды черствые расхвачанных краях!
 Она одна. Хлеб. Солнце. Света круг.
 И - строчкой – Им задуманные мы.

2003г.

Металлический привкус будней этой весны...

Под неброскую музыку бледных сиплых небес,
Под негромкие строчки – майским ливнем на голову,
Облетают иллюзии. Утро. Ржавый навес.
Вертикально всплывающий сизый утренний голубь.

Металлический привкус будней этой весны.
Сны – реальней реальности. Там легко с небом вместе...
Память – место от зуба в рваном аде десны,
Все пройдут. Все пройдет. А болит. Хоть ты тресни!

Тянешь крест свой и свод неба в цвет молока,
Божий свет надо мной – будь же белым, от Бога.
Уж и счет не веду - не судья! – тем рукам,
Что молчком досыпали мою злую Голгофу!

Наверху, на горе, гам затихнет людской,
Только горькие кедры, в рваных линиях кроны,
И такой нереальный, как до жизни, покой...
Здесь из ломанных стрелок строит лодочки Хронос...
В этой дикой глуши сквозь меня мир течет,
и стихи первозданны, из души бьют ключами.
Неужели замечу и внесу в грустный счет
Этот твой – напоследок, из-за пазухи, камень!

2003г.

Все с желтым напытом нарциссам

Это утро дымящим окурком
Коснется зрачков моих –

Я перестану видеть.
 Это утро продажной монетой
 Собачьего взгляда звякнет –
 Я перестану помнить

Все...Раз можно продать не глядя.
 Раз можно не слушать годами,
 Раз можно, сдув пену актерства,
 Бросить: любовь – это блажь!

Так мерцает моя аритмия,
 Рождая паузы гулкие
 В стуке истертых стрелок.
 В эпизоде рекламного клипа –
 Ты. А сказок, жаль,
 так ненадолго хватило...

Все...Раз можно продать не глядя.
 Раз можно не слушать годами,
 Раз можно, сдув пену актерства,
 Бросить: любовь – это блажь!

Это утро мне выстрелит в спину
 Черно-белою гаммой,
 Графикой крыш антенных.
 В это утро есть сто «потому что»,
 Чтоб выбросить в форточку
 С желтым наглым нарциссом

Все...Раз можно продать не глядя.
 Раз можно не слушать годами,
 Раз можно, сдув пену актерства,
 Бросить: душа – это блажь!

2003г.

Листки календаря залистаны до дыр,
 Лиловая заря вырастает в антимир.
 Мой рыжий анти-пес мурлыкает «Привет!»
 И риторичен в прозе тебе анти-ответ:
 - Ну, как там на другом краю? Анти-тоска?

Невечный ворох строк – в соленый слой песка.
 Бездумное, вослед, рефреном – фа-фа-ля!
 Ты не хорош, не плох. Ты просто анти-я...

2004г

В пустынищах моих нематеринств
 Пристанище для строчек и синиц,
 А детенышу тесно, раз в небо,
 в добытность
 душа упорхнула...

2004г

Из ниоткуда с пыльной вывеской –
 Было когда-то, да сплыло стихами, -
 Временем строчки – янтарь тёплый – вынесло,
 Канули всхлипы в солнечный камень.
 В неводе зыбких дорог тот, кто дорог был,
 Хриплые ночи забрали, запутали...
 Сам себе стал кандалами, водой в огне.
 Сам себе стал цепкими путами...
 Где на ромашковом диком холме
 Ты обронил своё сердце живое?
 Жухлою радугой - март на стекле –
 Сиплой кликушей растерянно воет...
 Не мне! Вёсны горстями черпать,
 Не мне! В небо стихи отпускать,
 Не мне! Я странный воздушный
 Змей без крыльев. Они мокнут под ливнем
 У входа в метро – экспонатом в бюро ненаходок!...
 Вот тебе кисть – белым выкрасишь память.
 Свинцовых белил хватило бы только...
 Хлопьями, снегами, инеем, тальком,
 Белой омелой, лунною долькой...
 Сирой сирени сиреневым дымом,
 Что с сигаретным сроднился небрежно...
 Вот тебе кисть неспелой калины,

Склей то, что взорвано в двести солнц нежностью!
 Где на ромашковом диком холме
 Ты обронил своё сердце живое?
 Жухлою радугой - март на стекле –
 Сиплой кликушей растерянно воет...
 Не мне! Вёсны горстями черпать,
 Не мне! В небо стихи отпускать,
 Не мне! Я странный воздушный
 Змей без крыльев. Они мокнут под ливнем
 у входа в метро – экспонатом в бюро ненаходок!

...А в ладонях, истёртых гитарными плачами, -
 Пусто. Признаём ли мы это, прячем ли...
 А за правым плечом – белый-белый плачет,
 А за левым - заклинаю, не смей обернуться...
 От себя самого, Матерь Божья, спаси
 И спрячь его...

2005г.

Так не хватает берега, воды,
 Горизонталы – бесконечной смерти.
 Полвзмаха крыльев и полслова до беды-
 Уже не важно... На чумазом свете,
 Мой белый птах, тебе так страшно жить!
 Семи небес нелепое создание!
 Когда любовью к облаку пришит,
 С кем ты уравнишь мирозданье?!
 Казалось – вот, с близняшкой по перу,
 По песенке гортанной, своевольной,
 По снежным крыльям, что мишенью на пиру,
 Где безвоздушно в душах переполненных!
 Как тесно в них. И нечем там дышать.
 А профиль птичий – мимо зрелищ, хлеба.

Любовь одна. Проститься, чтоб прощать.
Гортань певуча. Строки пахнут небом.

2005г.

Надежна осень, остальное не надежно.
Откроешь окна-за стеклом туман стоокий.
В бездомном доме, где души моей одежкой
Я проживаю меж двух окон - третьим оком...
Бессонным, тихим, недовыплакавшим небо,
В цвет бирюзы зеленой, приглушенной болью.
Любовь слепа. Ни сна не требует, ни хлеба,
Ни принадлежности к безгрешному сословью.
Ни журавлиных криков, ни синичьих крыльев,
Ни обещаний за полуночной беседой.
Ей ни к чему. Все это уже было.
В одном доме два отчуждения - соседи...
Так жили-были, что в окне туман стоокий
И тишина. И осень кажется надежной.
Для той души, которой в радость одинокой
Во мне таиться под неброскою одежкой...

2005г.

Ты: что-нибудь придумаю, совру, и так до завтра...
Я: что-нибудь придумаю, спасу, любовью лечат...
Сон: как-нибудь все сладится, дым, дом и счастье...
Стон: снова стынь-туман, обман, декабрь схватил за плечи...

Бог:.....

Я:.....

Ты:.....

2005г.

Письмом ли? Вещим сном? Черненой розой – снегу...

Серебряный рефрен из выцветших времен.

В той жизни не посмел, а в этой – в ад с разбегу,

Вприпрыжку, грудой дел столь не обременен.

Годами и людьми еще не причащался,

Светящимся лицом поющий с ветром в такт.

Да обойдет тебя захватанная чаша

с резьбою по краям: «Не с той. Не там. Не так».

Когда поймешь, пронзен внезапною догадкой:

Тринадцать жизней влет бездарно пронеслось,

А женщина с моей упрямой светлой прядкой-

Все так же мимо, вскользь, все так же судьбы – врозь...

Пронзай весенний снег, как он летишь, нездешен,

Опять не встреча... Что ж, не ко двору, чужой-

Небрежен и смешон, но так щемяще нежен...

Лишь поцелуй руки, вдруг узнанный душой.

2005г.

Температура взгляда по Цельсию минус сто,

Зима уже дышит в спину, сшибая в смерть снегирей.

Не попадая снова душой в реальность, крылом в пальто,

Нахохлившись, ищешь в лицах нечто отличное от зверей.

Может, в солнце – спасенье. А это лишь стансы зимы,

Стылый январь. Стонет сердце
 Хриплой строкой на ветру.
 Сиреневый колотый лед – осколки недавнего „мы”...
 Не знаю теперь от чего, - от тоски по тебе не умру.

2005г

Трипілля гуде яблуневим, духмяним, бджолиним...
 Отим домотканним, правічним, зеленим, незлим.
 Там вщерть супокою, в якому прийдешне прилине
 Білявкою в джинсах- аж через безмір століть!
 Що раптом в наметі-отім археологів храмі-
 Здрігнеться від магії струму Часу і Землі,
 Відчувши :була вона тут у дитяті, жоні, жриці, мамі...
 І голос, і очі- земля упізнала її.
 Потягнуться пучки до горщиків дребніх та збляклих,
 Згадаються пахощі в рідній травневій імлі.
 Мелодія сплине. А з нею і серце залякне:
 - Я знаю. Співала. Жила. Духом знаю її.
 Заборсалось літо в сухенькій стерні жовтій. Проща.
 Пташині півкола в небеснім ставку. Зрине пам'ять.
 Глибинне моє, ти до скону в мені. І на довше.
 Трипільським вогнем, диким сонцем, небес полянами.

2007г

Друзьям детства

Очерчивая влажность миража,
 Пространства жизней меряя собой,
 Песочек дней переберет душа,
 Штормящих строк остановив прибой.
 И в замеревшем кадрике «сейчас»
 Прожжет дыру там, где дымит Любовь,
 Сквозь ребра, плоть, просвечивая в вас
 Короткой захлебнувшейся строкой.
 И остановит мир на острие
 Бездумных празднеств посреди зимы.
 Без масок, шелухи, огней, премьер
 Друг другом недоузнанные мы...
 Друг другом недослушанные мы...

2008г.

Не пошкодуй душі та не нашкодь дитині!
 Віршами і добром нехай рятує світ!
 Все піде за водою, а те святе, єдине
 Засіється зерном і дасть духовний плід!
 А може буде так, що всохне те зернятко
 На кам'яному дні геть черствої душі...
 Не зупиняйся, йди! Є божеський порядок
 Над хаосом життя, над хаосом ріллі.
 Учителю, тобі доручений прихисток,
 Де пагінець людський ,зійшовши, має жить!
 Ти будні нелегкі насичуй мудрим змістом,
 Хай твій талант і дух людину освятить.

2008г.

Кофейной тянучкой из тех, довсамделишных, будней,
 Кусочком невзрости – листиком в легких прожилках...
 Полжизни пропели – а мы с тобой - надо же! - живы,
 Сестренка-душа! Хоть и утро стекает в шов рваный.
 Какого бесенка в крови подпустила природа?
 Копытцем по лбу – пару строчек реальность сшаманит...
 То счастье – иного, чем просто людского полета –
 В бегущий гекзамер судеб и лиц душу сманит.
 Дымящейся гранью мгновения, символом, словом
 Себя обволакивать, в снах напевая триоли...
 А, может, по детски поверить в незыблемость Слова,
 И просто дышать, расшвыряв маски, рольки и роли...

2008г.

Рыжий дождь

Рыжий дождь. Он болеет тобой, и не просит малины.
 Он устал разукрашивать теплым глинтвейном с корицей
 То небольшое, что уцелело от жизни и лета.
 Он охрип объяснять этот мир, петь в железные спины.
 Если больно – в шершавую гавань шадящих ладоней
 Убегать. От бездомного горя – быть гвоздиком в сердце.
 Если вольно – в строке безменяшной, в серебряном тоне
 Умирать. От бездумного неба в ничейной свободе.
 Это право бескрылых - судить. Кто крылат – не подсуден.
 Теплый бисер метать – устаревшая роскошь незлобных.
 Потому, оставаясь средь тех, кто зовет себя «люди»,
 Удивлюсь новой линии жизни на легкой ладони...

ПРОЗА

ПРОЗА

Перестаралась...

Пощебетала, всхлипнула, ресницами громыхнула, обедом обаяла, критиканскую складочку у губ тональным кремчиком залакировала, помурлыкала(стажировка у замужней подруги – две недели!)...

Тита Лукреция Кара и Фрейда спрятала от греха подальше под «Энциклопедию домоводства».

Красный диплом о высшем образовании синим лачком для ногтей покрасила.

Подруг предупредила.

Блондинкой платиновой выкрасилась – изрядная доля абсолютно натурально изображаемого простодушия при категорически скрываемой патологии в виде женского мозга в качестве эrogenной зоны.

Взволнованные псевдозротические придыхания из рекламы шоколада, стиральных машинок и этих самых...с крылышками, по слуху выучила, - фи...поверил!..

Надо же, простодушный какой попался! А где интрига? Он так и будет молча светиться от счастья, что неоновая лампа?

А где взрывы страстей? Пусть даже без уточнений: медитировала ли я на ночь? И чей носок стоит в углу?

...В следующий раз буду поосторожней!

Любимый

Любимый! Ты так заботлив, добр, ты даришь мир, себя и цветочный веник не только на Восьмое Марта, а и ... Боже ты мой, как мало праздников в этой стране, ну почему президент – не женщина?

Ты умеешь готовить по книге о вкусной и здоровой пище 1850 года издания, это легко, большего количества продуктов уже просто в природе не существует... у нас... это все Чернобыль. При чем тут ежики? Я про еду.

А...ты тоже...

Ты так внимателен, великодушен, искренен, светел и предупредителен, нежен, честен, правдив, верен, тактичен, утончен, эрудирован, что остается, истерически всхрюкнув и подавившись слезами восторга, спросить:

- Любимый! Ты ли это?

Услышав привычное: «-----!» успокоится душой, воспрять духом, припудрить носик, почувствовать твердую почву под стоптанными вкось золушкиными шузами ортопедической модели, понять: тьфу – тьфу – тьфу! Померещилось! Не ты. Да я же не критикую!

Ну не рычи ради всего святого! На тебе бутылку пива, на... ну, не надо. Ну не увидим мы даже в страшном сне медовый месяц на Канарах! И черт с ними!

А – а – а! Ну, ну! Ну, и черт с ними, артишоками...да я не матерюсь, это еда такая... Где растет? По – моему, это вообще мясо.

А – а – а – а! Ну не будешь ты в «Пежах» разъезжать, мы тебе «Запорожец» в цвет «Феррари» покрасим, чем не «Формула – 1» до первого гаишного поста!

На – на! Глазки закрой! А – а! а тараканьи бои вообще можно с твоими ал... фу ты, друзьями устроить во дворе. Возьмем молочного тараканчика, откормим, он нам и дом охранять будет... На – на пивка! Слюнявчик дать?

А погремушку? Кто? Я? Гремучая? С чем – чем? Змея с погремушкой на хвосте? А ты, ты, ты, ты, ты, ты... Ну, да, любимый, как бы... Вроде...

Ну, раз я гадюка Я тебе флейту подарю, будем в цирке выступать. Может тогда не придется проходить мимо магазина «Колбасы», непринужденно опрыскивая себя лаком для волос. Чтоб сбить голодную слюну и такой же обморок. Ладно, поживем – увидим...

Мурлыки

I серия

Сын:

- Мама! Солнышко запылилось!

Взгромождилась на небо, вытерла мягкой фланелькой. Лишь бы сыночке ненаглядному было хорошо!

Папа молча пьет чай. Сопит ожесточенно - наши проигрывают...

Сын:

- Мама! Звездочка падает!

- Гвоздиком ее, сыночка, нечего ей падать, молоток, правда, тяжеловат. Ну, да от мужиков разве чего дождешься в доме – то?

Папа молча пьет чай. Кашляя протестующее.

Сын с блаженной улыбкой человека, не подозревающего о кирпиче, ждущем его за углом:

- Мама! Я женюсь!

Мама молча пьет валерьянку, уронив папе молоток на ногу - почти не специально.

Папа давится и отчаянно, приступообразно высказывает маме некоторое недоумение по поводу женского воспитания дорогого единственного чада, что сопровождается нечленораздельной фразой с началом на Е... Далее непередаваемый фольклор тюркских корней происхождения.

II серия

Сын:

- Ма... Ой, чего это я? Жена! Солнышко запылилось, блин. Звездочка падает, а ежели чего не так, так я еще раз женюсь!

Жена хлопает дверью, уходит, попутно оттяпав половину нажитого. Причем большую.

Папа с ногой в гипсе:

- Ну и дурень ты еще, зелено – молодо! Эх, сынок, это максимализм.

Счастье – в разумной загруженности жены дома и на работе (опасливо поглядывает на сковородку в руках задохнувшейся от праведного гнева супруги, имеющей несколько иные взгляды на эти гендерные страсти-мордасти).

III серия

Сын:

- Жена №2, солнышко запылилось. Па, давай выпьем чаю!

Голос за кадром :

- Вот так от жены к жене, пардон, из года в год, от чая к чаю...

Жена робко, с невероятным интеллигентным наивом, бурно трепыхая кукольными ресницами:

- А может?

Сын и отец гаркают практически в выстраданный житейским эмпирическим опытом унисон:

- Молчи, женщина! Солнце – то оно не одно, чего протереть завсегда найти можно!

За окном слышен грохот от выброшенного в сердцах мамой телевизора. По всей комнате сюрреалистически разбросаны - опять таки мамой – жареные бычки. Отдельно. Томат – отдельно. На лысинах у папы и сына – живописно и как-то по человечески трогательно...

Жена №2 хлопает дверью, далее - по предыдущему сценарию с такими же имущественно-финансовыми потерями.

IV серия

Отпрыск:

- Па! Солнышко запылилось!

Папа со сдавленным всхлипом чуть ли не короля Лира давится чаем, явственно папахивающим коньячно-клопиным амбре.

Немая сцена.

Дедушка с бабушкой чокаются благоухающей кошачьей радостью валерианой.

Мама, злорадно ухмыляясь, протягивает папе, застрявшем в полукоматозном состоянии, пылесос. Видимо, гендерный вопрос, тревожащий семью с момента распития шампанского в загсе, решил-ся- таки по ее сценарию.

Финал. Занавес. Реклама пылесосов.

ОДНОСТИШЬЯ

Проросшей репликой весны – свеча. Каштановый огарок – негромко...

Обвинять полнолуние в том, что оно не ущербно – способен способный невежда...

Я не эхо, я голос. Светить отраженной иллюзией? – роскошь сомнительных истин. Не солнцезащитное дело. В бледной шкурке луны – скучно. А посему дарю и люблю первой.

Солнце устанет – рассыплется сердце закатом.

Ты жил в этом доме – теперь он живет без тебя, без - тебяшний.

Демон, любивший с десяток Тамар в одночасье – не демон, разжалован в мелкие бесы. Уже не трагедия – фарс, мелководье, а после пустыня.

В женском боксе – пацифистка – не сильна. Не мой вид даже не спорта – жизни.

Выдохнуть душу – хоть атом к тебе долетит? Пеплом стряхнешь с рукава – сигаретною крошкой, хмурой мгlistостью утра, где до счастья - полслова, зависших на вдохе, не родившихся в эту реальность – до встречи в дурных бесконечностях карм.

Комната мной заросла по глазницу оконную. Люди придут, да повытопчут, где же табличка, как на газоне: не топчите улыбку – больно, и вещь раритетная все же...

И, криво ухмыльнувшись, он изрёк: «Я бабочек совсем не обижаю!»

О, выдерни же штепсель из розетки!

И бутербродом хряпнув о макушку, ...

Ударь хотя бы в глаз, о, дорогая!

В троллейбусе дремал нахальный кролик...

Распределив по лысине три прядки ...

Не скрежещи зрачками – мне не страшно!

Покрасив лаком для ногтей две пятки...

Что там с извилиной? О боже, распрямилась!

Рычишь, как одичавшая цеце!

И кто ты после этого,- в копытах?

Беседа двух- разговор Бога с самим собой.

Кошка- воплощение ленивой грации с требовательным своеволием пополам.

Куст сирени- запах сгустился в сиреневый цвет и застыл кружевной пеной.

Часы на руке- ревнивое время напоминает о себе рассеянным счастливым.

Сосульки- сталактиты пещерных хрущоб города.

Цветочный рынок- некрополь погибших бутонов, чью красоту, не оплаканную никем, меняют на мятые бумажки.

Взрыв лампочки – космическая катастрофа комнатного масштаба.

Закон сохранения красоты- звездное небо отображается даже в луже

Зоопарк- единственное место, где свободные звери безопасно для жизни могут наблюдать сквозь заградительную решетку агрессивных представителей хомо сапиенсов (ли?).

Домовой - 1

Любопытное облако – весеннее, смешливое, и какое-то очень несерьезное, просто до безобразия, ночевало на моем балконе. Хмуро поглядывая на чирикающих наглых воробьев, дескать, спать мешают!

Не знаю, что ему снилось, но с утра на потолке прорисовалась радуга, будто кто-то фломастерами обои расписывал!

Вся кухня пропахла ромашками, соседи стали подозрительно вежливо здороваться, знакомые коты – разговаривать. А когда из моего зеленого ковра ровненько по полосочкам, как на тривиальном городском газоне где-нибудь в Париже, проросла трава, крыша дома не выдержала и собралась полетать над городом... последней каплей стали чопорные бескукушечные часы, которые 2 года не шли – обломово им было! – а тут разве что не каждый час откуковывать начали! Кого-то из нас, то ли облако, то ли меня, может, и вылечат когда-нибудь, на чем окружающие активно настаивают. Особенно домовой, который глядя на меня по отечески беззлобно, крутит лапой у виска, мол, барышня, белены вы с этим облаком на пару объелись, умные разговоры разговаривать на обваливающемся балконе в 3 часа ночи! «Да нет, - отвечаю. – Просто весна и по ночам снятся странные сны, ласточки залетают в форточку, и вообще, похоже, пора жить, ощущая эту жизнь, как дольку апельсина. И молча улыбаясь оранжевым светофорам в 3 часа то ли утра, то ли ночи...»

На следующее утро из дома, демонстративно хлопнув дверцей холодильника, ушли тараканы, видимо, в страну счастливых тараканов – скорбно, печально, будто на гражданскую войну.

В этот же день зацвела сирень. Домовой смирился. Облако упорхнуло. А я сижу все на том же балконе, в следующие 3 часа ночи и мурлыкаю под гитару кошачий блюз – весенний и немножко сумасшедший.

Часы, как ни странно, идут исправно.

Вывод: странная штука – жизнь.

Р. S. Решила засеять ковер с травой клевером, тогда придется пчел со шмелями заводить. На 5 этаже хрущевки! Может, расширить дом за счет чердака? Или проще и дешевле – к психиатру?

ДОВОЙ - 2

Из зеркала в коридоре выкарабкалось будущее, пока дом спал. Провырнулось по квартире, пижонисто и вальяжно. Покрутило носом. Им же залезло в тетрадки с бегущими кардиограммами строчек. Село на пороге, пригорюнилось. Рядом пристроился довой Васька.

- Она чего у тебя - совсем? Дом беспризорный, ты нечесаный, и вообще женщины поэтами не бывают!

- Ты полегче, - искренне обиделся Васька. – Женщины чаще ведьмами бывают, пусть уж лучше стишата строчит. А то ведь, не приведи господи, вспомнит, что сарделька в холодильнике лучше журавля в зоопарке, одичает, купит бигуди, откопает где-нибудь нечто диванолубивое с тягой к пиву и манькой величия.хлопот не оберешься. А так, она безобидная, колыбельные мне чирикает, правда, до трех утра, феньки ваяет, и вообще...

И он шмыгнул носом, закончив тираду в защиту меня.

- Так и будешь бомжевать при живой-то хозяйке? – язвительно поинтересовалось будущее, в профиль очень уж кого-то мне напоминающее. Особенно очки и ухмылка.

- Так и буду, - угрюмо огрызнулся довой Васька, - косматая личность, похожая на взбалмошного кота после стирки, явно не санкционированной хозяйкой.

- Так и буду, ежели тебя черти не принесут, - то бишь твоего хозяина. Видать язвистая порядочная, не хуже хозяйки.

Они синхронно вздохнули. В кухне чихнул обнюхавшийся бульонным кубиком «Галина бланка» таракан. Хрюкнул будильник. И взвизгнул тонко.

- Пора! Просыпаются! – разом вдруг всполошились оба. С удивлением переглянулись. Прямо как хозяева, когда вместе чего-то ляпнут в один голос. И довой мрачно понял, что скользнувшее в зеркальную гладь будущее, не очень ему приглянувшееся, потому как пижонисто, выпендрежисто и болтливо, очень скоро заявится в двери в качестве настоящего. Поблескивая очками. Он вздохнул.

- Ну, до встречи! – донеслось из-за зеркальной ряби.

- Спишь, девка, и не чуешь счастья-то такого! – подумал Васька, взбираясь на шкаф, домой.

Их хозяева проснулись.

Одновременно. Со странным ощущением легкого сдвига не то по фазе, не то слоев воздуха, не то времени, не то задней стенки правого полушария головного мозга.

- Ой, быть дождю! – подумали они в унисон, не догадываясь об этом.

Косматый Васька и легкая, вытянутая вверх зазеркальная тень в очках, иронически хмыкнули:

